

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

КОСТРОМСКАЯ ГЛАЗОДА

№1- 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНЫЙ МОТИВ

- Новые сезоны в «Костромской слободе». Андрей Митин.с.3
- Времён связующая нить. Ольга Заботкина.с.4

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

- Реставрация памятников деревянного зодчества. Светлана Каткова.с.10
- Реставрационные работы на двух храмах. Сергей Пиляк.с.16
- Изображение деревянной народной архитектуры в творчестве Е. В. Честнякова. Сергей Пиляк.с.20

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

- Костромские мастера разных эпох. Евгений Новиков.с.23
- Нерехтские праздничные женские рубахи. Сталина Масалева.с.30
- Костромские говоры. Воспоминания о лесе. Нина Ганцовская.с.36
- «Признание в любви к истокам русской жизни...»
- Этнографические сюжеты в творчестве В.С. Каткова.с.39

РОДИНОВЕДЕНИЕ

- Православная традиция и семейная обрядность в народной культуре
- Костромского края. Конец XIX – XX вв. Татьяна Гончарова.с.47

ЖИВОЙ МУЗЕЙ

- Снимается кино. Ксения Белова.с.58
- Домашняя масленица. Кукла «Сорока». Марина Крылова.с.60
- Широкая Масленица в «Костромской слободе».с.64
- Туристический сезон 2016 года.с.66

На обложке: Анна Кузнецова, исполнительница роли Снегурки в зимних и весенних интерактивных программах Музея-заповедника «Костромская слобода».

Андрей МИТИН,
директор Музея-заповедника «Костромская
слобода»

НОВЫЕ СЕЗОНЫ В «КОСТРОМСКОЙ СЛОБОДЕ»

Уважаемые читатели! Мы рады представить вам первый в 2016 году номер художественно-этнографического альманаха «Костромская слобода», который выходит в преддверии нового летнего туристического сезона. Рубрика «Живой музей» познакомит вас с весенне-летними проектами музея-заповедника. По традиции выпуск посвящён теме сохранения и реставрации памятников деревянного народного зодчества, а также страницам музейной истории – от создания Костромского музея деревянного зодчества более полувека назад и к 10-летию его нового названия – Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода». Ежегодно музей подтверждает звание самого посещаемого экскурсионного объекта на территории Костромской области. В прошедшем году нашими гостями стало около полутора тысяч туристических групп, а всего музей-заповедник посетило более ста тысяч человек.

Крупнейшие мероприятия начала этого года связаны с циклом новогодних праздников и народным гулянием «Широкая Масленица». Они показали, насколько необычным может быть музейное посещение: Масленицу, например, в «Костромской слободе» праздновали более пяти тысяч костромичей и гостей города.

К новому сезону мы сделали всё, чтобы разнообразить и сделать максимально комфортными условия отдыха и проведения познавательных программ и экскурсий на территории музея-заповедника. Основой успешной работы любого музея под открытым небом является удовлетворительное состояние музейных зданий-экспонатов. В этом за прошедший год произошли также качественные изменения. Два храма – ярусная часовня из деревни При-

тыкино и церковь Всемилошного Спаса из села Фоминское после проведенных ремонтно-реставрационных работ скоро вновь войдут в созвездие музейного собрания. О том, как шла реставрация, подробно рассказано в разделе «Архитектурное наследие» этого выпуска альманаха. Кроме реставрационных в музее выполняются и необходимые хозяйственные, ремонтные работы. Готовятся к открытию новые экспозиции, посетителям будут представлены в этом сезоне новые тематические экскурсии и интерактивные программы по народной культуре. В минувшем году в них участвовало около 12 тысяч туристов. На новый уровень выходит сотрудничество музея с учреждениями образования и науки.

2016 год объявлен Годом российского кино. Наши уникальные ландшафты не раз становились площадкой для киносъёмок таких известных исторических фильмов как «Юность Петра» режиссёра Сергея Герасимова, «Борис Годунов» Сергея Бондарчука, «Столыпин... Невыученные уроки» Юрия Кузина и многих других. Такое сотрудничество будет продолжено и в этом году. Мы надеемся, что посетители нашего музея-заповедника под открытым небом будут не разочарованы в своих ожиданиях, и мир костромской русской деревни откроет им новое понимание нашей истории и культуры.

Сотрудники Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника на Первомайской демонстрации. 1982 год. Ольга Заботкина - 7-я слева в первом ряду.

Праздник народных ремесел в Костромском музее деревянного зодчества. 1984 год.

Ольга ЗАБОТКИНА,
сотрудник Костромского музея деревянного
зодчества в 1980-е годы, преподаватель
русского языка Даремского университета
(Англия), член Союза журналистов России

ВРЕМЁН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Благодарна судьбе за то, что в моей жизни был музей. Навсегда осталось в памяти ясное сентябрьское утро, переправа через реку Кострому на катерочке (в 1980-м ещё не было моста) и совершенно очаровавший меня сказочный вид Ипатьевского монастыря, где в то время размещался музей-заповедник и куда я ехала устраиваться на работу. Чувство благоговения, испытанное при первой встрече, не покидало меня все годы, что я проработала в Ипатии. Работала я в разных отделах музея, но музей деревянного зодчества (или, как мы любовно называли его, деревяшки) занимал особое место в моей душе.

Надо сказать, что детство моё прошло в дальневосточном гарнизоне среди типовых шлакоблочных восьмиквартирных домов, но с ранних лет я узнала и полюбила настоящую русскую деревню благодаря папиным рассказам: в них оживала изба с печью и полатями,

повить, куда вечером боязно выходить одному, баня в огороде, овин в поле, лес за околицей — у папы было множество историй, и рассказчик он был замечательный. В воображении своём я так хорошо представляла всё, о чём рассказывал папа, что мне иногда казалось, что я росла вместе с ним в деревне. Позже, когда папу перевели на запад и мы стали каждое лето ездить к бабушке в деревню, я увидела деревенский мир воочию и полюбила его. До сих пор, когда вспоминаю те наши поездки в Кострому, физически ощущаю утреннюю прохладу только что вымытого города. Московский поезд тогда, как и сейчас, приходил рано; город ещё только просыпался, но по чисто выметенным улицам уже ехали поливальные машины. А потом мы шли к Волге. И там открывался бескрайний простор, от реки веяло свежестью и неизъяснимым чувством воли. Катер отправлялся в четыре часа дня и прибывал в Сандогору в одиннадцать вечера. С поклажей взбирались мы на крутой берег Костромки и к полуночи добирались до дома, где с нетерпением ждала нас бабушка.

У бабушки было просто и уютно. В доме всегда пахло свежестью, и это ощущение усиливалось золотистым цветом дощатых перегородок и бревенчатых стен, проконопаченных мхом и куделью. Мост, изба, горенка, чулан,

Праздник народных ремесел в Костромском музее деревянного зодчества. 1980-е годы.

повить — эти удивительные слова не были новыми: много раз слышала я их от мамы и папы, а теперь с интересом осваивала пространство деревенского дома. Когда входила на повить с тёмными углами и лестницей, ведущей на чердак, по спине пробегал холодок. Тогда и на повити, и на чердаке ещё можно было найти много интересных вещей — свидетелей прежней, совсем недавней, но уже ушедшей жизни: мялки, трепала, гребни и щётки для чесания льна, прялки, веретёна, мотовило, воробы, ткацкий стан, жёлоб, мутовки, жернова, коромысло, цеп для молотбы, косы и лопаточники.

В избе почти четверть пространства занимала русская печь. Печь была большая, сложена с таким расчётом, чтобы в ней можно было париться. В печи отверстие-вытяжка для самовара и маленькие печурки, в которых можно сушить носки и варежки. К печи пристроен голбец (дверь в нём вела в подполье, которое тоже называлось голбец) и печь-столбьянка с красивым верхом. Я слышала от бабушки имя печника — Егор Семёнович. Но велико было моё удивление, когда зашёл к нам из другой деревни мужик, сам печник и плотник, и, посмотрев на печь, сказал: «Красивая. Вижу, Егор Семёно-

вич из Лялек клал». Недаром говорят: мастера по работе видно. Бабушка ловко управлялась у печи (пространство перед печью, отделявшееся от жилой избы перегородкой, так и называли: эпечь; говорили: в эпечи лежит, возьми в эпечи): ухватами ставила в печь и вынимала из печи чугуны, сковородки, кочергой забрала угли, чтобы поставить противни с пирогами. Долго прогревалась печь, но потом долго хранила тепло, постепенно отдавала его в избу. Полежать на печи было удовольствием.

С печи через голбец легко можно было перебраться на полати — самое любимое место всех детей: с полатей видишь всю избу, но никому не мешаешь. Когда собиралась родня, всегда пели. Красивые были голоса, красивые песни. Не песни — целые поэмы. Вообще мир деревенский, в котором труд был основой жизни, пронизан для меня поэзией. И очень близки мне слова В. М. Шукшина о малой родине: «Больше всего в родной своей избе я любил полати. Не печку даже (хотя печку тоже очень любил), а полати. Теперь, когда и видеть-то не видишь нигде полатей (даже в самых глухих и далёких деревнях), оглядываясь мысленно по стране..., я вижу Алтай — как если бы это

На экспозиции в памятнике народной архитектуры музея-заповедника - Доме Лоховой.

мои родные полати из детства, особый, в высшей степени дорогой мир... с полатами связана неповторимая пора жизни... Трудно понять, но как где скажут «Алтай», так вздрогнешь, сердце лизнёт до боли мгновенное горячее чувство, а в памяти — неизменно — полати».

Запахи Волги, деревянного дома навсегда остались связанными с удивительным летним праздником свободы, единения с природой, радости жизни. Новой встречи я ждала целый год и даже за тысячи вёрст, закрыв глаза, могла ощутить лёгкое дуновение ветерка на лице и вдохнуть волжскую прохладу...

Помню, как мама наказывала мне здороваться с каждым встречным: «Неважно, что ты их не знаешь. Они все тебя знают». Удивительно, но это была истинная правда. Я здоровалась со всеми — и все здоровались со мной, да ещё и останавливались, чтобы спросить, чья такая, но часто сами безошибочно определяли — по породе, на кого похожа и кому прихожусь внучкой. Здесь ощутила я глубинную, корневую связь с этой землёй. И где бы потом ни жила, деревню, где родились и выросли мои мама и папа, воспринимала и как свою малую родину.

Таким образом, мой приход в музей не был случайным. Работа в музее была сопряжена с постоянной учёбой, что мне очень нравилось. Богатейшая библиотека и фонды музея открывали новый удивительный мир. Огромное удовольствие приносило общение с коллегами, образованными, умными, очень интересными людьми. Светлана Михайловна Гусева, научный сотрудник отдела народной архитектуры и быта, пригласила меня в свой фольклорный коллектив «Берегиня», и я с радостью согласилась. Почти все молодые сотрудницы музея были в «Берегине». Мы разучивали старинные народные песни, танцы, обряды. Никогда не забуду наши репетиции. Светлана Михайловна была строга и требовательна, но в то же время относилась к нам по-дружески, на репетициях было много шуток и смеха. Репертуар свой мы показывали на праздниках костромских ремёсел,

которые устраивались на территории музея деревянного зодчества. Во время подготовки к празднику сотрудники из разных отделов объединялись под руководством Антонины Николаевны Мазериной, заведующей отделом народной архитектуры и быта. Владимир Геннадьевич Ковшиков, талантливый лингвист, садился за написание сценок, разложив на столе «пасьянс» из карточек с образцами костромского говора, меткими выражениями и костромскими диалектными словами. Володя работал по вдохновению — и иногда текст был готов лишь за два-три дня до праздника. Нам приходилось очень быстро его заучивать, что, в общем-то, не было большой проблемой, потому что все были молоды и легко запоминали большой объём информации. Для выступлений мы должны были сами шить себе костюмы (по образцу крестьянских сарафанов и рубах, хранившихся в фондах музея). Выдали мне красный материал на рубаху и огромный отрез тёмно-синего холста на сарафан. Материал занял у меня чуть ли не половину шифоньера. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы костюм выглядел похожим на оригинал из фондов: рубаха с широкими присборенными рукавами и длинный (до полу) сарафан с большим количеством сборок сзади (в таком не побежишь вприпрыжку, а выпрямив спину, поплывёшь, как утица по озеру).

На одном из праздников мы показывали фрагмент старинного свадебного обряда Костромского уезда — вынос девьей красоты. В дореволюционной России свадьба следовала определённому порядку. Это было поистине театральное действо, которое отмечало очень важный этап в жизни молодых людей: прощание с холостой жизнью, создание новой семьи и вместе с этим — появление новых обязанностей. Своим чередом шли сватовство, смотрины, сговор, девичник, молодецник, свадебный поезд, венчание, княжий стол, после-свадебные обряды. Каждое «действующее лицо» должно было играть предназначенную ему роль. Например, даже если невеста выходила замуж по желанию, ей следовало причи-

тать. Не случайно говорили: играть свадьбу. Обряд выноса девьей красоты совершался накануне свадьбы, когда в доме невесты собирались родственники. Сюда и приходили подружки невесты, чтобы попрощаться со своей подруженькой, хозяев и гостей почествовать, ну и себе гостинцев и денег насобирать. Они приносили наряженную вершинку ёлочки, которая символизировала красоту и молодость невесты (отсюда и название её – девья красота), – и самая бойкая из них сыпала приговорами про то, как гости к дому подъезжали, а девушки в горнице сидели и «из окошечка глядели, как гости из саночек вылезали, золотой казной брячали, в часту лесенку входили, по пятам карманам били... Как у нашего сватушка есть в избе полати, положите нам, красным девушкам, на шелковые платы; есть в избе полочки, положите нам на рукавички, чтобы нам подруженьку проводить, да ручки не застудить. Как у нашего сватушка под порогом лежит шест, положите-ка нам, красным девушкам, рубликов шесть. А кто ловок да совок, положит рубликов сорок. Как положите рубликов восемь, так и на ту осень милости просим. А кто положит рубля полтора, так и не заглядывай сюда. Кто положит пятак, возьми его назад: не приго-

дится ли на табак. Кто положит грош, возьмёт того дрожь». Потом чествовала каждого гостя в отдельности, ожидая награды, и всех вместе: «Экие вы, сватушки, хорошие, экие вы, свахоньки, пригожие; на вас, свахоньки, полшубки-то добрые, на вас, сватушки, тулупы-то долгие, карманы-то до пят, кладите-ко нам опять». Меня назначили ответственной за проведение этого обряда. Я нашла исполнительницу главной роли и стала с ней репетировать. Но заучить текст оказалось для девушки слишком трудным делом. Пока она читала и пыталась рассказывать этот длинный наговор, я практически выучила его. Так и пришлось мне самой играть бойкую девушку, хотя бойкой я совсем не была и очень волновалась. Интересно, что когда я начала показывать этот обряд своей бабушке, она продолжила наговор... Живая связь времён. Много сил уходило на подготовку праздников, много радости приносили они и много переживаний: хотелось, чтобы всё прошло без сучка и задоринки, чтобы главные участники – костромские мастера – и зрители получили удовольствие. И всегда последнее волнение – по поводу того, над чем никто из нас был не властен: погода. По-моему, это был 1983-й. Я проснулась утром – и не могла поверить своим глазам:

Выступление музейного ансамбля «Берегиня» на празднике в Костромском музее деревянного зодчества. 1984 год.

за окном хлестал дождь. Говорят: ранний гость – до обеда (то есть если дождь начался рано утром, то к обеду должен закончиться). Праздники обычно начинались часов в 11 утра. Собралась я в музей, несу костюм, наряженную девью красоту, иду по лужам под проливным дождём, а из глаз – слёзы ручьями: небо беспросветно, и конца ненастью не видно. Единственное, что порадовало: были зрители. Те, кто полюбил наши праздники, шли в музей, несмотря на дождь. Мы решили, что праздник состоится, даже если он будет в одном из домов на повити. Но примета оказалась верной: к полудню тучи рассеялись и ярко засияло солнышко... Мастера разложили разноцветные тканые дорожки, кружева, салфетки, расставили удивительной красоты плетёные изделия из лозы, изделия из глины, берёсты, дерева (с резьбой и росписью). Тут же демонстрируют они своё мастерство, а желающие могут попробовать и поучиться. Музейные сотрудники показывают вещи из фондов музея и рассказывают о славных мастерах прошлых времён. А вот и молодёжь музейная с песнями и танцами. На сцене возле дома Лоховой – сценки из деревенской жизни. Володя Ковшиков играет пожилого прижимистого крестьянина. Он в лаптях, рубаха подпоясана поясом, борода и усы (натуральные, не приклеенные) прекрасно завершают образ. Немного ссутулившись, подходит он к воображаемому окну, протирает его, пристально всматривается в небо и сообщает домочадцам: «Кажись, объярычилось. А даве, вроде, позамулындило...» Потом взгляд его падает на улицу: «Вона, кумовья катят. Ни одного праздника не пройдёт, чтоб не припожаловали. Жрать-то люты оба больно...» Кумовья уже на пороге – и хозяин расплывается в улыбке, а ворчливый тон сменяется сладко-гостеприимным: «Добро пожаловать, гости дорогие!» Кумовья – это Евгений Александрович Ершов (прекрасный актёр) и я. Следом бежит любопытная соседка – её играет роскошная красавица Любовь Александровна Михайленко. Увидев гостей, делает вид, что удивлена,

но особо не смущается – не из таких: «Гости на гости – хозяевам радости». Публика очень живо реагирует на всё происходящее на сцене, поэтому выступать – просто удовольствие. Вообще зрители на праздниках наших были замечательные. У меня всегда было ощущение, что у нас с ними полное единение в любви к русским традициям и к русской культуре. На одном из праздников мы рассказывали о хлебе, о том, сколько труда и терпения требуется, чтобы вырастить и убрать урожай, высушить и обмолотить зерно, смолоть в муку и испечь хлеб, о традициях русского хлебопечения. Кульминацией этой части праздника стал настоящий ржаной хлеб, испечённый в русской печи. Мы заказывали хлебы в деревне Колесово Костромского района, а испекли их прекрасные мастерицы Лидия Васильевна Бодрикова, Анастасия Александровна Чагина, Мария Васильевна Бекенёва, Аграфена Алексеевна Горячёва и Мария Фёдоровна Бекенёва. К сожалению, никого из этих замечательных женщин нет с нами. И всё меньше в деревне тех, кто владеет мастерством хлебопечения. Но думаю, те, кто присутствовал на празднике, помнят кусочки ароматного, удивительно вкусного хлеба, которым угощали их сотрудники музея.

Деревня моей бабушки, музей народной архитектуры и быта, русские традиции, обычаи, русские сказки, песни, пословицы, меткое русское словцо – это бесценное богатство живёт во мне и поддерживает в любых ситуациях. Теперь, когда я преподаю русский язык на факультете иностранных языков Даремского университета, я продолжаю открывать для себя и своих студентов новые грани нашего национального достояния. А ещё – я подготовила лекцию «Мир русской деревни», в которой рассказываю нашим первокурсникам (как когда-то это делал мой папа) об одном из чудес России – деревенской избе, о хозяйственных и культовых постройках, об укладе деревенской жизни и о выносливом, мудром русском крестьянине-труженике.

Светлана КАТКОВА,
искусствовед

РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА

От идеи до воплощения

Россия – страна лесная. Испокон веков дерево было основным строительным материалом. С течением времени совершенствовались формы строений, приспосабливались к местным условиям, погодным и бытовым. Точнее, именно погодные условия определяли характер производственной и хозяйственной деятельности местных жителей. До сих пор в сельской местности строят деревянные дома. Сейчас есть выбор и других строительных материалов, но дерево имеет немало приверженцев как исключительно экологичный материал, хотя и недолговечный.

Жилые постройки стоят не дольше 100-120 лет, культовые, даже если в них вовремя перекрывают кровлю и заменяют сгнившие бревна – 300-350 лет. («Гнилые бревна выметывать, а в те места вставлять бревна новые»). Дольше – крайне редко, да и то при условии, что сруб за это время будет один-два раза перебран («распятан») полностью. Впрочем, строительство нового дома при заготовленном материале было недолгим, известны «обыденные» (в один день) строения часовен, храмов.

Помимо естественного старения дерева, настоящим бичом деревянных построек были пожары. По людской небрежности и от небесного огня («молниенного запаления») горели церкви и часовни со всем накопленным содержанием. Редко удавалось кое-что спасти от огненной стихии. Сухие, ветхие церкви, лишенные средств грозозащиты, горели стремительно, и редко находились смельчаки бросаться в огонь даже за самым почитаемым образом.¹

Эволюцию форм в деревянном зодчестве Костромского края по сохранившимся памятникам проследить сложно. Слишком многое утеряно безвозвратно. И слишком поздно спо-

хватились. Только в начале 1960-х годов в реестр музеев вошли специальные территории музеев деревянного зодчества. Именно в таких резерватах решено было сохранять памятники плотницкого мастерства. Главной целью были уникальные строения. Многие деревни и села в эти годы обезлюдели, и стало невозможно сохранить памятники на историческом месте.

Члены Императорского Археологического общества еще в конце XIX века обращали особое внимание на некоторые памятники и указывали местным властям на необходимость принять все меры к их сохранению. В Костромской губернии ими был отмечен ряд храмов и даже издан альбом, зафиксировавший наиболее древние и своеобразные строения.²

Строительство Горьковской ГЭС и создание Костромского водохранилища в районе Костромской низины в 1956 году заставило срочно решать судьбу уникальных свайных построек. Церковь Спаса Преображения из с. Вежи и баньки из д. Ведерки разобрали и на плотках пригнали в Кострому. Их собрали на территории Нового города Ипатьевского монастыря. Специальной территории для памятников народного зодчества еще не было, а за мощными стенами монастыря-музея была надежда обеспечить памятникам долгую жизнь.³

Первый опыт перемещения памятника оказался успешным, и возник замысел создать музей деревянного зодчества. КСНРПМ вместе с музеем-заповедником начали обследовать опубликованные памятники деревянного зодчества. Увы! Некоторых из них уже не досчитались, а оставшиеся явно нуждались в немедленном вмешательстве в их судьбу.

Город поддержал идею создания Музея деревянного зодчества и выделил территорию близ монастыря, среди слободской застройки на берегу реки Костромы. Памятники естественно вошли в среду деревянных домов слободы, а воссозданная на новом месте церковь Собора Богородицы из с. Холм Галичского района стала частью храмового комплекса вместе с каменной церковью Иоанна Богослова. Известно, что до 1687 года тут стояли два дере-

вянных храма: зимний Никольский и летний Иоанна Богослова.

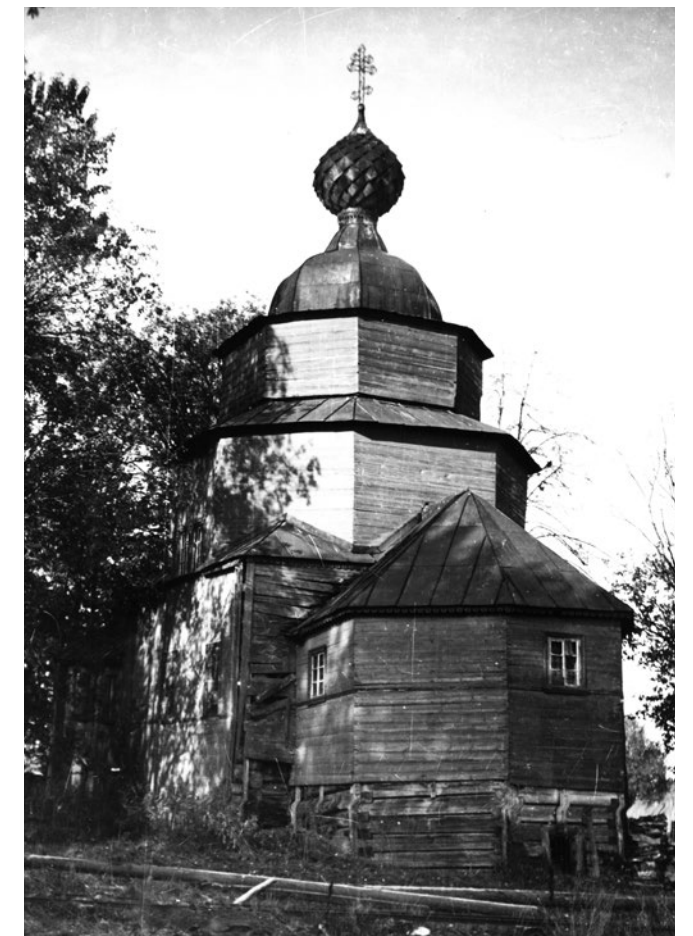
Вскоре стало ясно, что на этой территории нет перспективы для развития музея. Новый участок выделили за монастырем, по берегам речки Игуменки. Отгороженная от стрелки рек Костромы и Волги дамбой, территория в 14 га позволила не ограничиваться лишь идеей Музея деревянного зодчества, но развивать его как историко-этнографический. Решено было собрать на берегах р. Игуменки все типы жилых, хозяйственных, культовых и производственных построек, бытовавших в Костромском крае.

Города и села Костромской губернии издревле компактно располагались вдоль рек Волги, Костромы и Унжи. Соседство с Ярославской, Нижегородской и Владимирской губерниями определяло принадлежность Костромской губернии к центру России. Новые границы Костромской области, оформленные в 1944 году, не совпадают с границами губернии. Самые промышленно развитые районы губернии вошли в состав Ивановской области, часть отошла в Нижегородскую и Ярославскую. Граница области сдвинулась на северо-восток, приблизилась к Вологодской и Кировской (Вятской). Это оказалось не только передвижением границ по карте, присоединился значительный район со своим жизненным укладом и давно установившимися экономическими связями. Историкам-краеоведам новой Костромской области предстояло исследовать восточную часть в этнографическом плане. Музей-заповедник направлял туда ряд экспедиций, но обследование было выборочным, по отдельным темам. Свою лепту по сбору предметов народного быта вносят организованные в большинстве районов области краеведческие музеи.⁴

При составлении каталога «Памятники архитектуры Костромской области» ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию историко-культурного наследия совместно с исследователями ГНИИИ за 20 лет провели тотальное обследование сохранившихся селений во всех районах, выявили все представляющие

интерес памятники.⁵ На основании этих материалов можно с уверенностью выделить особенности деревянного зодчества двух основных регионов области: поволжского и северо-восточного. По территории Костромской области протекает около 300 рек и речек, и селения, как правило, ставили в один ряд вдоль берега, окнами на реку. Церкви с кладбищем располагали за селом, близ дороги.

В древности земли за Галичем – это глухие лесные дебри, где изредка встречались поселения угро-финских племен. Ассимиляция меря Поволжья к XIII веку уже завершилась, а на северо-восток экспансия русских подвижников христовой веры началась только в XIV веке. Ученики преподобного Сергия Радонеж-

Ильинская церковь в селе Верхний Березовец (до перевозки в музей). Конец 1960-х годов.

ского несли православие в эти земли. Авраамий Городецкий (ум. в 1375 г.) стал основателем четырех обителей в чудской стороне в округе Чухломского озера. Местные жители считали его своим апостолом, просветителем. Этот факт определяет нижнюю границу строения христианских храмов в данной местности. Едва ли эти храмы были сложными и приукрашенными. Даже в начале XVII века в Костроме большинство храмов было деревянными, клетскими, то есть в основе их был простейший сруб-клеть⁶.

Своеобразие клетским храмам придавали кровли и галереи: высокие щипцы двускатных кровель и шатры, покрытые тесом с чешуйками осинового лемеха главок. Новые объемы типа восьмерика встречаются редко, пик интереса к ним наступил в XVIII веке, когда стали строить «на каменное дело», устанавливая на клеть четверика восьмерик. Этот тип строения дошел до наших дней в разных вариантах: основной

объем восьмерика венчает меньший с бочкой на четыре лица и пятиглавием (ц. Собора Богородицы), два восьмерика на высоком четверике (часовня из д. Притыкино), также два восьмерика на четверике Ильинской церкви села Верхний Березовец.⁷

Ильинская церковь дважды была обследована экспедициями ИАК в 1907 и АА РАН в 1946 годах.⁸ Обмеры 1907-1909 гг. воспроизводят план и объемную композицию: на одной оси располагались трапезная, четверик и алтарь. Вход был через небольшой притвор с одноступенчатой лестницей для подъема в трапезную. Церковь стояла на высоком подклете.

Необычным для Ильинской церкви является то, что крыта она не тесом, а листовым железом. Крупные косячатые окна имеют рамы с мелкой расстекловкой в восьмерике на 9, а в четверике на 12 частей. Такая мелкая рассте-

кловка была исключительно практична: стекла мелкого формата легче перевозить, в случае боя меньше убытка.

Церковь была летней. Окна изнутри имели съемные ставни, которые ставили на зиму. Крестовая сметка и экономность проявляется во всем. Даже если случалось птице разбить стекло, то небольшое стекло легче заменить, а ставни предохраняют интерьер от попадания снега или дождя.

Покрытие жестью, как в каменных зданиях, рассчитано на долговечность, конечно, при условии регулярного обновления окраски.

В приходе были свои мастера всех строительных специальностей. Так уж сложилось, что в этом лесном краю мужчины с ранних лет осваивали плотницкое дело, сбивались в артели и по весне уходили на заработки в ближний и дальний отходы. С начала XVIII века казенные крестьяне (в галичской стороне большинство крестьян было казенными) обязаны были прибыть на строительство Петербурга. И эта дорога оказалась не временной, а продолжалась из года в год больше двух столетий. Поколение за поколением плотницкие артели в сезон уходили на заработки в северную столицу. И приносили на родину не только заработки, но и новые технологии строительного дела. Свою приходскую церковь поставили «на каменное дело».

В музее церковь собрана с открытым срубом, а до того ее стены были обшиты тесом. Гладь тесовой обшивки делала церковь еще больше похожей на каменное строение. Плотники КСНРПМ, разбиравшие церковь перед перевозкой, отметили, что обшивка была колотым тесом, со следами топорной обработки, а гвозди, крепившие его, кованые. Участники экспедиции Академии архитектуры 1946 года пришли к заключению, что обшивка тесом могла быть выполнена в 20-е годы XIX века, после того как была выстроена каменная церковь.

При сборке в музее (по проекту архитектора КСНРПМ В.С. Шапошникова) храм поставили на каменный фундамент, что оправдано задачей

сохранности нижних венцов сруба. Пристроили двухэтажный притвор, чуть меньше трапезной, а это изменило общий объем храма. В притворе сделано две лестницы, что удобно для экскурсионных групп, но вход и выход остался в одни двери. Вход в одну дверь - особенность часовен и церквей часовенного типа.

Автор проекта реставрации предложил окружить четверик галереями. Показал проект А. В. Ополовникову⁹, который курировал по линии Министерства культуры России музей деревянного зодчества, но тот не одобрил такое творчество.

К сожалению, дополнениями, отступлениями от подлинника грешат проекты и других памятников нашего музея. Так весьма нарядное крыльцо церкви Спаса из с. Фоминское с двумя боковыми лестничными всходами было придумано автором проекта реставрации архитектором Шевелевым И.Ш. На месте, в с. Фоминском, вход не имел никакого оформления, это была обычная, однополотная дверь под колокольней. В процессе работы над проектом архитектор увидел фрагмент иконы на обложке только что изданной книжки о северных письмах, на которой изображен пожар в деревянном храме.¹⁰ Книжка подвернулась вовремя. А.В. Ополовников, видевший, что костромская церковь аналогична часовням Обонежья, легко согласился с таким предложением и позволил скорректировать образ храма, подменив историческую правду красотой решения. Об этом исправлении памятника нет упоминания в каталоге ПАКО, вероятно, авторы не видели фото памятника до реставрации.

Тесовая кровля протяженного крыльца церкви Собора Богородицы так естественно и логично продолжает ритм кровли галереи, трапезной и восьмерика, что вряд ли заподозришь некоторую правку архитектора-реставратора (А.В. Ополовников, И.Ш. Шевелев). Это они переместили крыльцо церкви в центр западной галереи, как раз напротив входа в трапезную. В данном случае в каталоге ПАКО указано, что крыльцо воссоздано по аналогам. При обследовании памятника зафиксировано крыльцо,

Церковь Спаса из села Фоминское. (До перевозки в музей). Середина XX века.

Проведение реставрационных работ на церкви Всемилоостевого Спаса. 1969 год.

которое вело на галерею с западного угла северного крыла.¹¹ Церковь, хотя и была летней, но в крестьянских избах вход в дом никогда не делали напротив двери с улицы. В храм с галереи можно попасть через трое дверей: западные, северные и южные (северные и южные на одной оси). Все двери однополотные. Дверной проем невысокий и, переступая через высокий порог, надо было наклоняться. Плотная тесовая обшивка парапета и значительный вынос кровли галерей прикрывают входы в храм от порывов ветра.

Легендарна дата строительства храма – 1552 год, точнее упоминание о нем. Он перестраивался в 1654 и 1700 годах, и при этом едва ли с точностью воспроизводились изначальные формы. Во всяком случае, пристройка алтаря и восьмерика из оконтуренных бревен «в лапу», крестовая бочка с пятиглавием относят время строения к XVIII веку, что подтверждает и выдача антиминса в 1700 году. Также не исключены вычинки и перестройки в XIX веке, особенно в части нижних венцов, консолей, галерей и перекрытий. Сохранившийся храмовый образ «Собор Богородицы» написан в традиции иконописи середины XVII века.¹²

А. Ополовников, курируя музеи деревянного зодчества, руководствовался желанием воссоздать храм в его авторском замысле и потому на севере и в Костроме обшивку тесом считал поздним приемом, потому всегда старался срубы раскрывать. Удалена была обшивка тесом и железная кровля с церкви Собора Богородицы. Но у каждого времени есть свои резоны, есть свои приоритеты и в технологии. XIX век, обеспечивший механическую распиловку бревен на доски, вполне резонно заменил ими колотый тес и стал более широко использовать пиленный тес в обшивке срубов.

Вкусовые пристрастия реставраторов сказались и на том, что обшитых тесом церквей в музеях практически нет. Соломенные кровли заменены тесовыми на амбарах из д. Собакино Нерехтского района. А соломенные крыши просуществовали до середины XX века. Они были не только на хозяйственных постройках, но и на

избах. Сейчас мало кто знает, что соломенная крыша выручала в трудное время, ее раскрывали и соломой кормили скот в трудные годы, когда не хватало сена. И каждый год после жатвы поправляли или крыли заново крышу свежей соломой. Конечно, надо бы сохранить подобную кровлю хотя бы на одном-двух строениях. Похоже, скоро не найдется ни одного мастера способного возобновить соломенную крышу.

Перечисленные правки архитекторов-реставраторов снижают историческую достоверность местных памятников, приносят в жертву красоте прочность и пользу, которая всегда стояли в народном зодчестве на первом месте. Поскольку музей расширил программу от деревянного зодчества до этнографии, вероятно, при следующей реставрации памятников стоит подумать о корректировке их облика в пользу достоверности.

Музей обязан хранить не только архитектуру зданий, но и особенности исторических технологий строительства. Сейчас трудно представить, где, кроме музея, можно увидеть колотый тес или продольную пилу. Ручная распиловка теса продольной пилой была трудным и дорогостоящим делом, требующим особого умения, потому появилась специальность пильщика, то есть в заготовке теса без привлечения специалистов нельзя было обойтись.

Галерея и кровли церкви Собора Богородицы сейчас набраны из пиленого теса, конечно, механической распиловки. И если бы возникла идея вернуть обшивку храму, то конечно, тес был бы пиленный на новом оборудовании. А в задачу этнографического музея входит сохранение в том числе и исторических технологий. Если их заменять повсеместно, то появляется макет, а не подлинник. И в настоящее время памятники деревянного зодчества во всех музеях имеют замену изветшавших частей идентичными материалами, но новыми по способу обработки.

На фронтоне дома Серова резной декор слухового окна воспроизведен резчиками

КСНРПМ¹³, замечательно владевшими приемами иконостасной резьбы. Их резьба выглядит слишком правильной, контуры мягко заovalены, разделка грив львов и розетки суховато прочерчены. В этой работе они использовали набор разных стамесок, инструмент для тонкой резной работы.

Плотницкая резьба – топорная работа. Плотник, виртуозно владея топором, использовал его как главный инструмент, а топор до мелочей не доходит, он берет главное. Никакой измелеченности, зализанности в деталях и контуре – в этом вся суть. Довыборку фона плотники вели простейшим долотом, а не набором стамесок и фон был неровен, но в этой шероховатости, создающей вибрацию фона, есть своя красота. То есть разница между профессионалом и народным мастером не только в технологической оснащенности, а так же в стремлении профессиональных резчиков к завершенности, безукоризненной выверенности каждой линии. Это срабатывает в иконостасе, где идет повтор одних и тех же элементов десятки раз и требуется соблюдение их идентичности, в этом проявление мастерства владения инструментом, знание возможностей ремесла. Все это чуждо народному мастеру, убивает непосредственность, экспромт и экспрессию решений, приносит сухость, жесткость в рисунок.

В странах Дальнего Востока: Япония, Корея, Китай священные храмы из дерева за многие века не раз перебирали, заменяли утратившие прочность детали, с невероятной точностью воспроизводя каждый элемент резного декора. И не раз, а год за годом меняют отдельные части строения, так что здание остается полностью соответствующим первоначальному.

В нашей традиции укоренилось представление о возможной и даже правильной системе улучшений при каждом ремонте, а тем более перестройке. Архитекторы-реставраторы, сохраняя произведения «гения русского народа», не скупясь улучшают то, что этот народ сотворил. А это явное искажение исто-

рической достоверности, едва ли допустимое в этнографическом музее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Икона «Богоматерь Федоровская» чудом дважды спасалась от пожара в храме. Чудотворный образ Богоматери Овиновской из Успенского собора Никольского монастыря вынес из огня инок Иаков Галицкий и после кончины был причислен к лику святых.
2. Дунаев Б.И. Деревянное зодчество северо-востока Костромской губернии. М.1915.
3. В 2002 году церковь из с.Спас-Вёжи сгорела.
4. В Костромском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике 16 филиалов. // Сто лет служения музею. Кострома. 2014.
5. Памятники архитектуры Костромской области. (ПАКО) Вып. I-XI. Кострома.1996- 2009.
6. Писцовая книга по Костроме 1628- 1629, 1629-1630 гг. Кострома. 2004. с.257-318.
7. Кудряшов Е.В. Музей деревянного зодчества в Костроме. Ярославль. 1971.
8. Церковь Ильи Пророка из с.Верхний Березовец Солигаличского района. Перевезена в Музей деревянного зодчества в 1970 году.
9. Ополовников А.В. (1911-1994), доктор архитектуры, исследователь и реставратор деревянного зодчества.
10. М.А. Реформатская. Северные письма. М.1968.
11. ПАКО вып.1, ч. 3, с.76-78; Вероятно, шатровый верх на повале был как в церкви Успения из Александро-Куштского монастыря Вологодской области. Перевезена в Вологду в 1960-е годы и установлена на территории Спасо-Прилуцкого монастыря. Датируется XVI веком. Была обшита тесом, при реставрации раскрыта. Иконостас не ранее начала XVIII века. Возможно, церковь перестраивалась в это время.
12. Костромская икона. Авт.-сост. Комашко Н.И., Каткова С.С. М. 2004. кат.81, с.513
13. Дом Серова. ПАКО. вып.1, ч. 3, с. 64-65; Подлинная резьба фронтона находится в Сергиев — Посадском гос. историко-художественном музее-заповеднике. // Круглова О.В. Русская резьба и роспись по дереву. М.1974

Список сокращений:

ГНПЦ – Государственный научно-производственный центр.

ГНИИИ – Государственный научно-исследовательский институт искусствознания.

ИАК – Императорская Археологическая комиссия.

АА РАН - Академия архитектуры Российской Академии наук.

КСНРПМ – Костромская специализированная научно-реставрационная производственная мастерская.

ПАКО – Памятники архитектуры Костромской области.

Сергей ПИЛЯК,
заместитель директора по развитию Музея-заповедника «Костромская слобода»

РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА ДВУХ ХРАМАХ

Создание музея под открытым небом, независимо от условий и особенностей его появления, всегда представляет сложную задачу. Сохраняемые на историческом месте *in situ*, либо перевезенные памятники, требуют должного внимания и ухода. Однако, несмотря на колоссальные затраты, для памятников деревянного зодчества их музеефикация все-таки является наиболее эффективным способом сохранения. Костромской области более полувека назад повезло – специалисты местной реставрационной мастерской и музея создали один из самых представительных музеев деревянного зодчества России.

Реставрационные мероприятия не заканчиваются сборкой памятника на музейной территории. Регулярные реставрационные работы по сохранению объектов культурного наследия в музейных условиях являются залогом того, что памятники увидят следующие поколения посетителей.

В последние годы мероприятия такого характера редки для Музея-заповедника «Костромская слобода». В 2013 году в целях подготовки к открытию для посещения церкви Собора Богородицы из села Холм были проведены профилактические работы – укреплен настил гульбища и выполнена огнебиозащита сруба. С учетом аварийного состояния большинства объектов такие скромные меры не в состоянии переломить негативную тенденцию постепенной утраты коллекции памятников деревянного зодчества на музейной территории.

Именно поэтому реставрация двух храмов – ярусной часовни из деревни Притыкино и церкви Всемилошного Спаса из села Фоминское, прошедшая в 2015 году, является важным событием в жизни музея.

Глава ярусной часовни.

Закрепление тесин на крыше церкви Всемилошного Спаса.

Церковь Спаса – один из самых известных экспонатов собрания наших памятников. Хорошо видимая еще с автостоянки, встречающая посетителей своим тонко очерченным силуэтом, церковь удачно поставлена на невысокий приречный холм в излучине Игуменки. В 2006 году за счет средств федерального бюджета были проведены фрагментарные реставрационные работы – заменены главы церкви, кровля шатра звонницы и крыльца. Объем работ был явно недостаточным для сохранения памятника.

Еще в 1968-1970 годах с учетом музейных условий церковь была водружена на кирпичные столбчатые фундаменты. С целью лучшей вентиляции окладного венца кирпичные столбики приподнимают деревянный сруб примерно на 2-3 ряда кладки. За минувшие без малого полвека кирпичная кладка деформировалась, появились трещины и понадобилась вычинка отдельных кирпичей. Проектом реставрации была предусмотрена разборка двух верхних рядов кладки всех кирпичей с заменой их на валуны. Такой вид фундамента придал памятнику более традиционный облик, при сохранении необходимого вентиляционного продуха.

Нижний брус маршей крыльца, в который упираются тетивы, согласно распространенному решению, лежит непосредственно на земле. Замена обветшавших брусьев, сборка деформированных деталей крыльца с их частичным протезированием, дополнительная гидроизоляция контактирующих с землей поверхностей позволят крыльцу церкви Спаса стать более безопасным для гостей музея. Отдельные вычинки бревен сруба, в основном коснувшиеся остатков перерубов, восстановили исторический объем сруба.

Однако главной проблемой, из-за которой церковь была поставлена на реставрацию, являлось аварийное состояние кровли. Храм начала XVIII века в ходе реставрационных работ 1968-1970 годов получил исторический тип покрытия – двухслойное тесовое с берестяной гидроизоляцией. В 2000-х годах сильный град повредил верхний слой теса, к тому времени уже нахо-

дившийся в неудовлетворительном состоянии. Прорехи в кровле открывали гидроизоляционный слой бересты. Дальнейшие повреждения крыши неминуемо привели бы к сильным протечкам. Согласно проектному решению, верхний слой теса и берестяные скалы подлежали полной замене. Однако после вскрытия крыши выяснилось, что нижняя часть досок первого слоя также находится в аварийном состоянии. Замена этих досок частично стала бы залогом сохранения памятника. Вместе с заменой кровельного материала была полностью воссоздана кровельная резьба – городковые узоры на причелинах, ажурные полотенца, а также массивные охлупни. Стоит отметить, что вместе с этим крыша получила некоторые дополнения. На ребра вальмовой крыши алтарной апсиды были прибиты рейки-нащельники, предназначенные для сохранения верхних торцов тесин от переувлажнения. Все воссоздаваемые элементы были антисептированы, и, согласно последним тенденциям в реставрации памятников деревянного зодчества, не были тонированы. Со временем древесина приобретет натуральный темный благородный оттенок.

Работы по реставрации кровли церкви Всемилошного Спаса.

Ярусная часовня из деревни Притыкино стала более сложным объектом для реставрации. Часовня была перевезена в музей и отреставрирована в 1969-1970 годах. Столбчатые кирпичные фундаменты со временем дали неравномерную осадку, что привело к деформации сруба. Горизонтальные смещения бревен в углах грозили обрушением часовни. Наиболее оптимальной методикой реставрации в таком случае является переборка «сверху-вниз». Здание целиком разбирается, начиная с завершения и до окладного венца, а затем – собирается в обратном порядке, наподобие конструктора. Уже на этапе разборки часовни были уточнены важные данные о сложном типе врубки «с зубом в потай», которая характерна для всех креплений сруба. После завершения работ по созданию фундамента – монолитной железобетонной плиты – промаркированные бревна сруба были возвращены на место. Несколько разрушенных бревен были заменены на новые, так же как и все детали крыши и главки. Завершение реставрации часовни позволит развернуть в ее интерьере тематическую экспозицию.

Впереди – проведение ремонтно-реставрационных работ на других памятниках Костромского музея деревянного зодчества.

Воссоздание кровли ярусной часовни.

Сборка четверика часовни из д. Притыкино Шарьинского района.

Сборка верхнего восьмерика часовни.

Часовня из деревни Притыкино после завершения реставрационных работ. 2016 год.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЕРЕВЯННОЙ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. В. ЧЕСТНЯКОВА.

При изучении региональных особенностей архитектуры особое внимание уделяется местным источникам. Группу научных источников, рассматривающих архитектурные памятники как произведения материальной культуры, дополняют изобразительные источники, по ряду причин не вполне востребованные современными исследователями. Костромское деревянное зодчество широко представлено в творчестве кологривского художника, писателя и философа Ефима Васильевича Честнякова (1874-1961).

Художник, создавший свой сказочный мир на основе крестьянского быта и культуры, подробно изображал характерные деревянные срубы, безгвоздевые крыши, другие традиционные конструкции. Как отмечает костромской искусствовед В. Я. Игнатьев, «...самое главное в творчестве этого художника – народность его искусства, своими корнями переплетающегося с творчеством самого народа»¹. Мир Честнякова берет свое начало из народной культуры.

Е. В. Честняков «Тетеревиный король».

В этом мире народное зодчество занимает заметное место. В изобразительном искусстве архитектура нечасто является предметом самостоятельного изображения. В творчестве Честнякова архитектура как правило составляет немалую долю фона, присутствует практически в каждой работе. Даже в серии «Шестнадцать фантастических пейзажей» художник не отступает от народного зодчества. Срубы зимниц, лабазов и изб задают основной тон серии.

Невозможно не заметить, что наибольшее внимание Честняков уделяет жилой и хозяйственной архитектуре, а изображения культовых деревянных сооружений, напротив, редки и максимально условны. Лишь в работе «Наш фестиваль» изображена небольшая часовня. В работах Честнякова встречаются разные типы сооружений – дома, овины, амбары, разнообразные малые архитектурные формы – изгороди, ворота и другие, практически идентичные реальным сооружениям, встречаемым на территории Костромской области. Трактующиеся как здания, масштабные макеты или вовсе декоративные модели, эти здания, между тем, исполнены достоверно и точно. Это говорит о том, что для художника данная тема близка. Он подчеркивает образную составляющую деревянного зодчества, сам характер архитектуры, продиктованной использованием природного строительного материала. Признанным фактом, одним из главных принципов народного зодчества является «неповторимость каждого сооружения при повторяемости его элементов»². В полной мере этот принцип проявлен в работах художника.

На картине «Свадьба» на заднем плане изображен крупный рубленый дом на подклете. На жилой этаж дома ведет крыльцо, схожее по объемному решению с крыльцом дома Артемия Ершова, в настоящее время являющегося экспонатом Музея-заповедника «Костромская слобода». Дом был вывезен из деревни Портюг Межевского района, ранее относившейся к Кологривскому уезду. Портюг находится приблизительно в 40 километрах от деревни Шаблово, где работал Е. В. Честняков. В данном случае ориентация художника на

местные образцы народной архитектуры позволила зафиксировать распространенное местное решение крыльца, что позволяет опираться на его работы в качестве достоверного источника.

Значительная творческая обработка и самостоятельная интерпретация в работах Честнякова составляют его почерк. Детали конструкций – крыши с гнетом, потоки, слезы, преобразованные в фантастическом мире народного искусства, приобретают немного утрированные формы. В картинах «Сказочный мотив», «Тетеревиный король», «Город всеобщего благоденствия», графических этюдах «У качелей», «Хутор Малинова Федора Потаповича. 1936-1937 гг.», «Деревенский двор» и других художник обращается к знакомым ему мотивам деревянного зодчества Кологривского уезда. Почти в каждом произведении Е. В. Честняков «с документальной точностью воспроизводит быт деревни, в каждой сцене чувствуется проникновенное знание материала»³.

Декоративные детали также находят отражение в работах Честнякова. В композициях «Краса ненаглядная», «Марко Бесчастный с гусями и Аленка» мы увидим характерные резные оконные наличники. Окна, близкие по пропорции к квадрату, немного вытянутой формы, обрамлены широкими боковинами с кистями и завершены многоярусными очельями. Низ оконного проема стянут узкой доской. Схожие наличники имеет упоминавшийся дом Ершова. Обобщение данного декоративного в виде локальной традиции вполне возможно в ходе дальнейшего исследования.

Работы Е. В. Честнякова представляют группу изобразительных источников, отличающихся значительной степенью достоверности, и могут служить для выявления региональных особенностей костромского деревянного зодчества.

Сергей ПИЛЯК

Примечания

1 Игнатьев В. Я. Ефим Васильевич Честняков. – Кострома: Издательство «Теза», 1995. – С. 9

2 Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). – Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1982. – С. 160.

3 Игнатьев В. Я. Ефим Васильевич Честняков. – Кострома: Издательство «Теза», 1995. – С. 56.

Е. В. Честняков «Деревенский двор».

Е. В. Честняков «У качелей».

Е. В. Честняков «Хутор Малинова Федора Потаповича. 1936-1937 годы».

Евгений НОВИКОВ,
научный сотрудник Музея-заповедника
«Костромская слобода»

КОСТРОМСКИЕ МАСТЕРА РАЗНЫХ ЭПОХ

Промыслы и ремёсла в жизни крестьянина всегда занимали одно из центральных мест, являясь важнейшим источником заработка. «По данным подворных переписей 1897-1905 годов владельцы 84,4% хозяйств Костромской губернии занимались ими»¹. В данной статье мы рассмотрим развитие двух промыслов в Костромской губернии – кузнечного и плетения из ивового прута.

В Костроме металлообработка получает широкое развитие в XVII веке, тогда же кузнечное дело становится массовой специализацией. К середине того же века в городе насчитывалось уже 58 кузниц. Согласно писцовой книге 1628 года, костромские кузнецы того времени проживали со своими семьями в отдельной Кузнечной (или Козьмодемьянской) слободе близ деревянных церквей святых Козьмы и Дамиана и святителя Николая. Эта слобода существовала до начала XVIII века.

По первой народной переписи кузнецы обозначены особо от посадских; их состояло 166 душ мужского пола. Из этого числа некоторые работали в 1727-1729 годах в артиллерии. Подушные подати они оплачивали отдельно от посадских людей в размере 40 алтын (1 руб. 20 коп.) с человека. В ремесле существовала дробная специализация. Были отмечены мастера по изготовлению замков, гвоздей, скоб, ножей, котлов, обручей на бочки, нательных крестов. Было два бронника, изготавливавших кольчуги и панцири.

Новым явлением в XVIII в. стало появление ремесленных цехов. Управление цехами поручалось общей Ремесленной управе во главе с головой. Работа цехов регламентировалась Уставом 1799 года и «Ремесленным положением», входившим в «Жалованную грамоту городам» от 21 апреля 1785 года. Во главе

Промыслы и ремёсла

каждого цеха стояла Управа, имевшая свою печать, знак цеха. Цехи избирали из мастеров старшину и 2-х старшинских товарищей, которые утверждались магистратом или Ратушей. В обязанности старшины входило собирать с ремесленников все денежные сборы, следить за исполнением повинностей, ведать казной, проверять мастерство поступающих в цех, помогать нуждавшимся больным и бедным ремесленникам.

К началу XX века кузнечное ремесло остаётся необходимым как в городе, так и в деревне. В 1900 году в кузнечном цехе было 50 человек: 27 мещан, 19 крестьян и 4 прочих сословий. Кузнецы изготавливали большинство металлического хозяйственного инвентаря (по своим специальностям это были кровельщики, кузнецы, слесари, пилозубы, жестянщики, кузнечно-кадетные мастера), выковывали подковы, дымники, подсвечники, металлические части рабочих инструментов и т.д.

В 1903 году цеховое устройство в Костроме было ликвидировано, но отдельные мастерские продолжали функционировать. Источники донесли до нас имена некоторых мастеров-кузнецов, занимавшихся в начале XX века художественной ковкой. Среди них Михаил Парфеньевич Навоев, который имел своё частное дело и мастерскую в Никольской слободе (сейчас это Заволжский район). Прославился он тем, что к 300-летию дома Романовых украсил кованой решёткой Романовский музей, проработав над заказом целый год, получив за его исполнение 100 рублей.

Таким образом, главной особенностью кузнечного дела в этот огромный период, охватывающий отрезок времени с древнейших времён практически до второй трети XX века, являлся его прикладной характер, направленный на хозяйственные нужды жителей и города, и деревни. К последней четверти XIX века в кузнечном ремесле начинает использоваться наёмная рабочая сила. Применение её даже в сельских кузницах позволило увеличить произ-

водительность, а как следствие и доходы мастеров.

Изменения в традиционном жизненном укладе ремесленников начинаются после 1917 г. и позднее, с приходом в деревню коллективизации и индустриализации. В связи с ростом промышленности количество индивидуальных кузниц в городах уменьшается, а позднее они и вовсе исчезают.

Однако, в годы Великой Отечественной войны, в частях РККА сохраняется штатная должность кузнеца (военно-учетные специальности: ВУС 114 «Кузнец (кроме козовчн.)», ВУС 119 «Кузнец козовчн.»), сохранившаяся вплоть до 50-х годов XX века. В 463 стрелковом полку должность кузнеца занимал уроженец деревни Архипино Красносельского района Е.П. Кочетов.

Начиная с середины XX века происходит переориентация кузнечного дела с хозяйственно необходимых нужд на художественные и декоративно-прикладные. Традиционная кузнечная работа уходит из города и сохраняется малой частью в деревнях и сёлах.

На современном этапе развития кузнечного дела существуют, как и мастерские, художественные объединения, выставляющие свои изделия на продажу, так и мастера, которые изготавливают предметы искусства и быта в одиночку. Периодические издания костромского края на протяжении 1990-х – 2000-х годов публиковали ряд очерков и интервью с несколькими мастерами-кузнецами.

Сам же кузнечный промысел во многих районах Костромского края в конце XX века находился в упадочном состоянии. Возрождение традиционного промысла велось лишь частным порядком². Переход к рыночной экономике и небольшая государственная поддержка малого бизнеса позволили мастерам создавать кооперативы, арендовать помещения, то есть заниматься ремеслом на предпринимательской основе.

С 1994 года в Костроме возрождён праздник мастеров, который проводится в день святых Козьмы и Дамиана. На первую выставку,

посвящённую этому празднику (12 ноября 1994 года) съехались мастера из Ярославской, Владимирской, Ивановской, Архангельской и Костромской областей.

В начале XXI века кузнечный промысел продолжает развиваться – и как художественное занятие, и как ремесло для удовлетворения хозяйственных потребностей, в основном жителей села. Известны имена таких мастеров, как А.Р. Калинин (г. Чухлома), отец и сын Меньшиковы (п. Чистые Боры Буйского района), А.А. Никулин (г. Кострома), А. Коровин и многие другие. Силами современных мастеров изготавливаются как художественные изделия (например, А. Калинин изготовил для Авраамиево-Городецкого монастыря флюгер высотой 180 см), так и предметы хозяйственной необходимости – кочерги, кованые решётки, совки. В 2007 году в Костроме, на базе профессионального лицея №20, действовал под руководством Анатолия Андреевича Никулина кружок художественнойковки, выпускающий из своих рядов специалистов-мастеров.

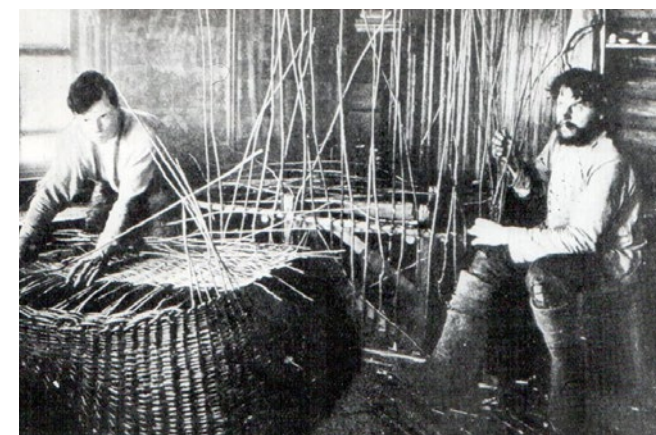
В музее-заповеднике «Костромская слобода» в настоящее время ежегодно устраивается конкурс кузнечного мастерства «Огненный круг». Проходит он в день святых Козьмы и Дамиана. Этот конкурс является межрегиональным, в Кострому приезжают гости из Ярославля и других соседних регионов.

Подводя итог, в современном кузнечном промысле можно выделить несколько особенностей. Во-первых, мастеров кузнечного дела можно разделить на промышленных кузнецов и кузнецов-художников. И на первом месте находится не хозяйственная деятельность кузнечных дел мастеров, а их художественное творчество, которое служит декоративно-прикладным целям (каминные решётки, кованые ограды, подсвечники, фонари и т.д.); это участие кузнечных мастеров в реставрационных работах. Во-вторых, растёт роль объединений художественнойковки (в Костроме представлена такими мастерскими как «Технолюкс-К», «Дивный Дом», «КЛАССиК» и др.). В-третьих, традицией становится проведение худо-

жественных мастер-классов и конкурсов художественнойковки (в частности и в Костромском архитектурно-этнографическом и ландшафтном музее-заповеднике «Костромская слобода»).

В ряд многочисленных промыслов и занятий, распространённых на территории Костромского края, входило и лозоплетение. Это один из многочисленных промыслов, получивших распространение. Особенно он был развит в Костромском, Нерехтском и Юрьевецком уездах. Это объясняется обилием ивняка, растущего по берегам рек и близостью рынков сбыта. В натуральном крестьянском хозяйстве практически все природные материалы находили свое применение. Кусты ивняка по берегам рек и водоемов были незаменимым подспорьем в ремесленной деятельности крестьянина. Тонкие гибкие прутья ивы умелыми руками переплетались и превращались в массу полезных в хозяйстве вещей и предметов. Производство плетёных изделий, благодаря своей простой технике, давало возможность участвовать в этом промысле самому широкому кругу населения. Материалом для плетения служили главным образом однолетние побеги ив.

По своей внутренней организации промысел чаще всего принимал форму семейного производства. В нём участвовали мужчины, женщины и дети, каждый по своим силам, способностям и умению. Старшие члены семьи исполняли основные работы, на младших лежали подго-

Производство корзин в Юрьевецком уезде. Начало XX века.

товительные.

Корзиночные изделия из прута по характеру работ и по материалам разделяются на две группы: «зелёный» и «белый» товар.

В первую группу относят изделия из нечищеного от коры ивового прута – наиболее простые и грубые изделия различной направленности (упаковочные корзины, корзины-сундуки с крышками, торфянки, корзины для бутылок и т.п.).

Вторая группа – изделия из чищенного прута (дорожные корзины, ручные чемоданы, саквояжи, корзины для рукоделий, цветов и т.д.).

В Костромской губернии в конце XIX века лозоплетение преобладало в некоторых местах, в том числе в Светочегорской волости Нерехтского уезда. Плетение корзин было тесно связано с выделкой борон. Они сбывались через скупщиков в Иваново-Вознесенске и в Москве. «Особенно процветал этот промысел в войну 1877-1878 годов, когда корзины скупались военными поставщиками по 8 рублей за сотню. Главным же потребителем борон и корзин были крестьяне, так что промысел находился в прямой зависимости от урожая на юге России»³.

«В 1913 году в губернии должно было быть открыто 18 учебных мастерских, из которых 5 корзиночных. Но ещё до принятия земским собранием постановления об устройстве учебных мастерских Кустарного Губернского Зем-

ства в октябре 1910 года была открыта корзиночная учебная мастерская в д. Стрельниково Шунгенской волости Костромской губернии. Всего корзиночным промыслом было занято 1290 дворов и 2626 рабочих рук»⁴.

Описание рабочего дня и заработка мастера в 1913 году в Юрьевецком уезде содержится в данных Масалёвой Сталины Дмитриевны. «Рабочий день корзищиков начинается с 5 часов утра и заканчивается к 9 часам вечера (16 часов). Работают только зимой, с Покрова и до наступления весенних полевых работ. Единственным сбытом корзиночных изделий, вырабатываемых кустарями, является доставка их скупщикам. Свои изделия кустари продают на базарах в Юрьевце, Пучеже, изредка получают заказы для магазинов из Кинешмы. Большей частью расценка этих корзин производится с вершка по 12 и 14 копеек»⁵. Кустарь вывозил свою недельную выработку (6-8 штук) на базар, где продавал не больше 3-4 штук за раз, а остальное вёз обратно. На базарах свои изделия продавали 92,3 % дворов.

Годовая производительность корзиночного промысла достигала до 81 тысячи рублей. Валовой оборот одного двора составлял 139 рублей, а чистый заработок за вычетом расходов на материалы – 59 рублей в год.

Материалом для плетения служили однолетние побеги различных видов ив. Кроме них используются в корзиноплетении корни древес-

ных пород, сосны, ели, ивы и других. Ивовый прут частью заготавливался самими кустарями, частью перекупался у скупщиков или у крестьян приречных селений. Время заготовки прута изменялось в зависимости от местных условий. Обычно различали три периода: весенний, летний и осенний. Прут сортировали по длине на крупный, средний и мелкий, связывали в пучки и хранили на дворе в закрытом помещении. Кроме ивового прута кустари заготавливают ивовые палки, необходимые для стоек, ручек, ножек для мебели и т. п.

Инвентарь корзищика был прост и немногосложен: три ножа, один или два молотка, плоскогубцы, железная колотушка для уплотнения плетения путём сколачивания, двусторонний железный крюк с круглым отверстием у одного конца для сгибания ивы и квадратным у другого для сламывания под углом, два или три шила разного размера и др.

Первые десятилетия советской власти связаны с коллективизацией промыслов. В Костромском крае «промыслы послужили базой формирования мелкой кустарной промышленности»⁶. Крестьяне Костромской области организовывали артели по плетению из ивового прута. По данному ремеслу специализировались даже отдельные деревни. Известно, что плетением корзин разных размеров, мебели и другого рода товаров занимались в деревне Трубинка Красносельского района Костромской области. Промысел этот был развит настолько, что мастера выезжали в другие деревни для заработков, порой за многие километры от дома.

Ещё в советское время плетением из ивового прута стали заниматься отец и сын Михайловы – Фёдор и Александр. Потомки Героя труда 1930-х годов Фёдора Ивановича Михайлова, чьим именем была названа на заводе «Рабочий металлист» денежная премия трём лучшим производственникам года, они и сами всю свою жизнь проработали на этом заводе, продолжая династию рабочих. Увлечение плетением началось с банального отсутствия корзины для похода за грибами. Со временем отец и сын Михайловы достигли такого уровня, что

их работы были отмечены на ВДНХ СССР, где они стали лауреатами. Изделия костромичей заказывали себе жители Москвы, Самары, Архангельска, других городов Союза. Высокий уровень мастерства отмечали и гости из Соединённых Штатов Америки.

В 1995 году, после распада Советского Союза, в жизнь костромских ремесленников стали проникать капиталистические элементы. Так, например, в 1995 году у Александра Михайлова костромская производственно-коммерческая фирма «ВАСКУН» (*занималась производством хлебобулочных изделий, розничной торговли, транспортировкой грузов, ремонтом бытовых изделий и предметов личного пользования; прекратила своё существование в 2012 году – прим. автора*) заказывала плетёные подносы.

Как и у любого мастера у А.Ф. Михайлова были и свои ученики. «Я в политехническом колледже веду курсы, сейчас в Доме офицеров набирается группа. Приходят безработные сначала, а потом люди увлекаются. Дети мои мне помогают немного»⁷. Именно таким образом в современных условиях проходит передача умений от мастера к ученикам.

Другом семьи Михайловых являлся ещё один мастер по плетению из ивового прута – Пётр Константинович Лебецкий, участник партизанского движения в Западной Белоруссии, чьи произведения также присутствуют в фондах Музея-заповедника «Костромская слобода». «Поначалу он плёл оригинальные, но весьма простые корзинки, а потом, с помощью друга Ф.Ф. Михайлова, научился настоящему художественному плетению. Стал участником выставок. Несколько его работ «уехали» за границу: в Америку и в Австрию. Есть у Петра Константиновича ученики»⁸. Среди изделий автора можно найти оригинальные полочки для телефона, цветочницы, узорчатые панно и корзинки особой «белорусской» формы.

В 90-е годы XX века количество мастеров плетения из ивового прута в Костромской области увеличивается. Это обусловлено тем, что в связи со сложной экономической обстановкой в стране, многие жители города лишались

работы и искали другие способы заработка. Взоры некоторых из них обратились к народному ремеслу лозоплетения. Газета «Северная правда» описывает один из типичных случаев тех лет. «Костромички Ирина и Елена начали заниматься плетением три с половиной года назад (1996 – прим. автора)... Организация, в которой они работали, перестала существовать, и они стали безработными... Поэтому, когда на бирже узнали, что центр научно-технического творчества молодёжи набирает группу на курсы переквалификации, решили попробовать»⁹. Преподавателем лозоплетения в центре научно-технического творчества молодёжи был уже известный на тот момент мастер Виктор Павлович Осипов.

Похожую историю в личной беседе рассказывал ещё один костромской мастер – М.Л. Кондырев. В прошлом – работник костромского аэропорта, пилот гражданской авиации. Когда в 1990-е годы стало туго с деньгами, вместе со своим коллегой Ю.А. Едуновым стали заниматься плетением из ивового прута, что стало дополнительной статьёй дохода. Со временем их мастерство достигло значительных вершин. Михаил Леонидович занимается плетением мебели, хозяйственных принадлежностей, предметов интерьера. В фондах Музея-заповедника «Костромская слобода» его авторству принадлежат плетёные санки, коньки, бра с плетёным абажуром.

Что касается техники плетения и заготовки материала, то современные мастера используют те же способы и приёмы, что и задолго до них. «Всё начинается с заготовки материала. А она начинается, когда опадают листья, чтобы не вредить дереву. Да зимняя заготовка и ценится гораздо больше. Хотя и тяжело бродить по лесу по пояс в снегу. Зато сокодвижение прекращается, дерево становится более прочным. За сезон я собираю около ста мешков дерева. Второй этап – это обработка. Ива может храниться практически вечно, если с неё снять шкуру, выварить. Я это делаю в специальном барабане. Часа три дерево стоит в кипятке, после чего шкура слезает. Дальше для того, чтобы привести иву в боеспособное состо-

Инструменты корзиноплетенщика.

яние, достаточно лишь вымочить её в воде. И можно работать»¹⁰. Примерно тем же способом иву заготавливает и А.Ф. Михайлов. «Заготавливать с осени, после того, как листва опадёт. После того, как наберёшь, нужно запарить в кипятке на 3-4 часа, чтобы цвет дала, очистить – и готова к работе»¹¹. Для заготовки прутьев мастера используют различные инструменты – ножи, сделанные на заказ и даже медицинские скальпели. Современные возможности позволяют выполнить заготовку и хранение прута более качественно.

Непосредственно на плетение изделия уходит не так много времени. Больше тратится именно на заготовку прута. В. Бесчастнов, чьи изделия тоже представлены в фондах музея-заповедника «Костромская слобода», в интервью газете «Костромские ведомости» так и говорит: «Заплести быстро – часа два, долго прут заготавливать: срезать, очистить, запарить, снова очистить»¹².

8 марта 2016 года в музее-заповеднике «Костромская слобода» состоялось открытие выставки «Плетёные истории». Эта выставка уже известна костромичам. В выставочном зале Музея природы коллекция предметов мебели, интерьера и посуды, выполненных из ивового прута, была представлена широкому зрителю с 6 по 20 сентября 2015 года. Позднее в рамках культурной акции «Ночь искусств» и Года литературы в России коллекция произведений современных мастеров плетения из прута экспонировалась в областной юношеской библиотеке. На Масленичной неделе эта коллекция впервые была представлена на основной территории Музея-заповедника «Костромская слобода». На выставке экспонируется несколько десятков предметов из фондов музея-заповедника уже упомянутых выше современных мастеров. Их произведения представляют широкие возможности этого природного материала.

Ассортимент плетёных изделий современных мастеров весьма разнообразен. В нём присутствуют как классические корзины и другие хозяйственные вещи, так и эксклюзивные авторские произведения: абактуры, подносы, рамы для зеркал, домики для кошек и др.

Современные мастера традиционную многолетнюю народную основу сочетают с использованием современных возможностей новых технологий и материалов. Таким образом, ремесло плетения из ивового прута продолжает трансформироваться и приобретать новые черты, и в то же время остаётся народным ремеслом.

Новым явлением в начале XXI века стало изучение народных ремёсел и промыслов в учреждениях дополнительного образования. Одним из первых в этой области стал город Нерехта. В 1994 году был открыт дом творчества и ремёсел «Светлица», который ставил своей целью дело возрождения старинных ремёсел. Дети разных возрастов изучают рукоделия и ремёсла – кружевоплетение на коклюшках, художественная обработка дерева, плетение из бересты, из ивового прута, лоскутное шитьё, дымковская игрушка. Изучается история ремёсел в Костромском крае.

Курсы народного мастерства открыты и в костромском учреждении дополнительного образования – центре творческого развития «Академия». Среди педагогов присутствуют современные мастера-гончары Малковы.

Костромской музей-заповедник «Костромская слобода» также работает с современными мастерами народного искусства. В музее можно пройти различные мастер-классы (гончарная техника, плетение из ивового прута, костромская народная роспись, ткачество и другие).

Таким образом, проанализировав развитие двух видов промыслов в Костромской области на продолжительном отрезке времени, можно выделить ряд особенностей, которые присущи им.

Первоначальное появление промыслов для обеспечения хозяйственных нужд жителей города и деревни.

Промыслы являлись одной из важнейших статей дохода в крестьянских хозяйствах.

Возрождение народных промыслов в современности, как дополнительного заработка в связи со сложной экономической ситуацией конца XX века.

Появление учреждений дополнительного образования, в которых изучаются народ-

ные ремёсла и промыслы (ЦТР «Академия» г. Кострома, дом творчества и ремёсел «Светлица» г. Нерехта и др.).

Примечания

1. Зайцева Т. Крестьянские промыслы и ремёсла // Родной край. – 2001. – 4 сентября. – С. 3.
2. Семёнова Н. Кузнец и роза: беседы с мастером // Северная правда. – 1992. – 31 окт. – С.3, 6.
3. Майорова О. «Край ремесленный богатый...» / Губернский дом. – 2000. – №1. – С.9.
4. Данные Масалёвой С.Д.
5. Данные Масалёвой С.Д.
6. Смурова О.В. Развитие кустарно-промысловой системы и её роль в обслуживании бытовых нужд жителей сёл и деревень (начало – 60-е гг. XX в.) / Народные ремёсла и промыслы Костромского края – вчера, сегодня, завтра (материалы конференции). – Кострома, 1993.
7. «Руки делают, а голова удивляется»: мастера / бесед. Н. Муренин // Эковестник: Око. – 1995. – 5-14 ноября.
8. Увлечённость // Костромской край. – 1994. – 29 ноября. – С.3.
9. Певцова Л. Эксклюзивная шляпка от Ирины, новомодная сумочка от Елены: моё второе я // Северная правда. – 1999. – 16 декабря. – С.5.
10. Игорь Гаранович: «Один заказчик попросил меня сплести ему гроб»: увлечения / бесед. А. Меньшиков // Северная правда. – 2005. – 24 августа. – С.25.
11. «Руки делают, а голова удивляется»: мастера / бесед. Н. Муренин // Эковестник: Око. – 1995. – 5-14 ноября.
12. С днём рождения, Кострома! // Костромские ведомости. – 2008– 26 августа – 1 сентября. – С.6.

Библиография

1. Зайцева Т. Крестьянские промыслы и ремёсла // Родной край. – 2001. – 4 сентября.
2. Игорь Гаранович: «Один заказчик попросил меня сплести ему гроб»: увлечения / бесед. А. Меньшиков // Северная правда. – 2005. – 24 августа.
3. Кариус И. Вольный скаут Игорь Гаранович: хобби-клуб // Молодёжная линия. – 1993. – 20 августа.
4. Майорова О. «Край ремесленный богатый...» / Губернский дом. – 2000. – №1.
5. Народные ремёсла и промыслы Костромского края – вчера, сегодня, завтра (материалы конференции). – Кострома, 1993.
6. Осипова З. Кустарные и отхожие промыслы в Кологривском уезде // Кологривский край. – 1999. – 8 апреля.
7. Пашин В. Самодельный арсенал // Советская Россия. – 1987. – 12 апреля.
8. Певцова Л. Эксклюзивная шляпка от Ирины, новомодная сумочка от Елены: моё второе я // Северная правда. – 1999. – 16 декабря.
9. «Руки делают, а голова удивляется»: мастера / бесед. Н. Муренин // Эковестник: Око. – 1995. – 5-14 ноября.
10. Семёнова Н. Кузнец и роза: беседы с мастером // Северная правда. – 1992. – 31 окт.
11. С днём рождения, Кострома! // Костромские ведомости. – 2008– 26 августа – 1 сентября.
12. Увлечённость // Костромской край. – 1994. – 29 ноября.

Мастер-класс по кузнечному делу.

На празднике «Кузьминки» в Музее-заповеднике «Костромская слобода».

Участники музейного конкурса кузнечного дела в «Костромской слободе».

Сталина МАСАЛЕВА,
старший научный сотрудник
Музея-заповедника «Костромская слобода»

НЕРЕХТСКИЕ ПРАЗДНИЧНЫЕ ЖЕНСКИЕ РУБАХИ

Как вид одежды, женская рубаша известна на Руси издавна. Женщина знатного рода Московского государства XVI – XVII вв. носила одновременно две рубахи, их называли сорочками «...по порядку первую одеждою была сорочка в качестве белья, как рубашка, шитая из обыкновенного полотна, ...как платье сорочка шилась большей частью из цветных тканей и потому носила название верхней..., более красивой и по материалу и по убору...»¹.

Сложившаяся еще в XVI в. определенная схема кроя и пошива женской рубахи сохранилась вплоть до середины XX века. Все основные ее части кроились и шились из прямых кусков ткани определенной ширины и длины.

Этнография народного костюма

Описывая быт русских цариц, И.Забелин отмечал, что «нижние полотняные сорочки кроились равно широко и в вороте и в подоле, т.е. из прямых полотнищ, без клиньев в подоле и с обыкновенными короткими рукавами...»².

По крою женские рубахи делятся на две основные группы – «проходные» или сплошные, т.е. сшитые из одного куска ткани от ворота и до подола, и составные – состоящие из двух главных частей. Верхней части – «воротушки» и нижней части – «подставы», соединенных между собой на линии талии.

В зависимости от кроя, составные рубахи подразделяются на три подгруппы:

- рубаха с поликами,
- рубаха без поликов,
- рубаха на кокетке.

Рубахи с прямыми поликами были одними из древнейших видов у русского населения северной части России и бытовали в Костром-

ской губернии повсеместно. Свое название поликовая рубаша получила от плечевой вставки «полика» – прямоугольного куска ткани, соединяющего переднее и заднее полотнища рубахи. Полик расширял плечевую часть рубахи и одновременно участвовал в образовании ворота рубахи. Иногда женская рубаша шилась без поликов, в этом случае полики и рукава кроились сразу вместе, и рукава начинались не от плеча, а от ворота, одновременно являясь его частью.

Рубаша на кокетке вошла в моду в конце XIX – начале XX вв. Воротушка такой рубахи состояла из короткой прямоугольной туникообразной или со швом на плече кокетки на подкладке, к которой подшивался неширокий «наставыш», собранный в сборку спереди и сзади. К «наставышу» кокетки подшивалась подстава, которая кроилась обычно из прямых длинных полотнищ домотканого полотна. Шили такую рубашу большей частью из фабричной ткани: сатина, ситца, и она входила в праздничный комплект одежды.

Большое внимание уделялось оформлению рубахи, ее основным частям – вороту и рукавам, кокетке и подола. «... Ворот стягивался пояском или шнурком и посередине на груди имел небольшой разрез, дабы удобнее было надевать одежду...»³. Традиция собаривать (собирать в сборку) ворот в женских рубахах и обшивать его полосой ткани сохранялась до начала XX в. Такое оформление ворота проследивается в поликовых и бесполиковых рубахах. В рубахах на кокетке пришивался воротстойка, скроенный из неширокой полосы ткани (2-2,5 см) на подкладке, а иногда и из целой полосы перегнутой пополам. Впереди под воротом делался неглубокий разрез, который обрабатывался планкой.

Рукава женской рубахи являлись эталоном красоты всего женского костюма. В праздничных рубахах рукава шили из дорогих тканей: шелка, батиста, кисеи, сатина, ситца с рисунком и без него, однотонного белого или красного цвета, тонкого льняного холста. В будничных пестрядинных рубахах их шили из той

же пестряди. Рукава праздничной рубахи были длинными или короткими за локоть, пышными собранными у запястья в мелкую сборку под манжету или украшались сборкой. Манжеты, оборки украшали вышивкой или кружевом. Иногда рукава собаривали в сборку и у плеча, что придавало им еще большую пышность. «... Особенно богато всегда отделялись рукава, преимущественно на плечах и у запястья, орнаменты вышивались цветными шелками, золотом, серебром, низались жемчугом...»⁴. *Крой рукавов женских рубах* был разным. В поликовых рубахах рукава кроили из прямых полотнищ ткани. Такой покрой являлся самым древним и архаичным. Еще в XV-XVII вв. «... сорочки кроились равно широко и в вороте, и в подоле, т.е. из прямых полотнищ...»⁵.

Учитывая небольшую ширину домотканого полотна (38 – 44 см), из которого кроилась женская рубаша, каждый рукав выкраивали из полутора прямых кусков ткани, в котором шов располагался спереди. В подмышки вшивались небольшие, почти квадратные ластовицы. Рукава рубахи, сшитой из фабричного материала – сатина, ситца, имеющего большую ширину, кроили из одного куска. Длина рукавов рубахи была разной и зависела от вида рубахи: у будничных рубах – короткие за локоть, у выходных, праздничных – длинные до запястья. Нижний край рукавов собирали в сборку и обшивали узкой полоской ткани – «обшивкой», в тон рубахи или другим по цвету и рисунку, аналогичным оформлению ворота.

В поликовых рубахах рукава кроились длинными и кошенными, т.е. с клином впереди широкими у плеча и зауженными к запястью. Технология кроя таких рукавов очень проста, она заключалась в нескольких операциях. Портниха брала определенной длины кусок ткани, равный длине одного рукава. С одного края срезала нужной ширины клин на всю длину ткани и пришивала его с противоположной стороны прямым углом вовнутрь. Получившееся лекало рукава широкой стороной пришивала к «полику» и стану рубахи, а потом сшивала внизу вместе с ластовицей. У запястья рукава

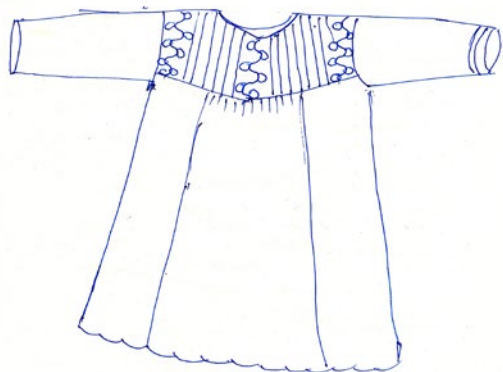
оставались свободными, с изнаночной стороны обшивались неширокой полоской ткани.

В бесполовых выходных рубахах рукава кроили прямыми и широкими, разной длины – за локоть и до запястья. Рукава кроили из одного куска фабричной ткани, они начинались от ворота и одновременно являлись частью его. При пошиве собирались в сборку у ворота и внизу у запястья под манжету или оборку.

В конце XIX в. в крестьянской моде появился новый вид женских рубах. Они больше напоминали городское платье. Это была рубаха на кокетке с воротником стойкой и пышными рукавами. Этот вид рубахи получил широкое распространение во многих уездах губернии. Эту новомодную рубаху девушки и молодые женщины надевали в праздничные дни. Шили ее из фабричных материалов – легкого ситца, сатина, тонкого льняного холста и украшали вышивкой и кружевом.

Женские праздничные рубахи Нерехтского уезда

Рубаха сшита из домотканой ткани белого цвета. Кокетка рубахи впереди на груди фигурная, впереди – с защипами и мысообразным

вырезом и вышивкой, выполненной нитками красного и черного цвета. Орнамент вышивки стилизованный растительной представляет собой цветущий стебель цветка. Спинка кокетки рубахи имеет прямоугольную форму, на кото-

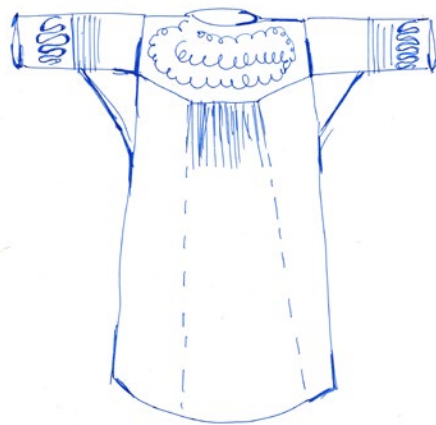
рой находится вышивка тоже растительного характера.

Кокетка спинки рубахи в отличие от передней части имеет прямоугольную форму. При пошиве кокетка накладывается на подставу рубахи и прошивается на машинке. По краю кокетки вышивка, выполненная мелким крестом нитками красного и синего цвета. Орнамент растительный цветочный.

Рукав короткий прямой к низу заужен. Край рукава обшит полосой ситца темно-красного цвета и вышивкой. Подстава рубахи сшита из 4-х прямых полос домотканой ткани, соединенных между собой. Расположение полос – по одной впереди и сзади, по два боковых шва впереди и сзади. Низ подставы подшит. Между рукавом и подставой вшиты ластовицы. (Рубаха принадлежала Гавриловой М.С. с.Троица)

Рубаха женская на кокетке

Сшита из белого полотна фабричного производства и домотканой ткани. Рубаха состав-

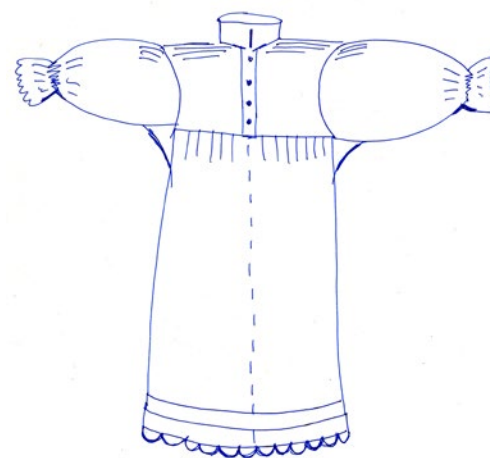

ная, основные части – кокетка, подстава и рукава. Кокетка на груди фигурная на «подоплеке» (подкладке). Сзади на спине кокетка имеет прямоугольную форму также на «подоплеке». К кокетке подшита подстава, сшитая из 4-х прямых полотнищ без боковых швов. Два полотнища впереди и сзади и по полотнищу на боках, соединяющихся с передним и задним

полотнищами. Передняя и задняя полосы подставы собраны к кокетке в сборку.

Рукава рубахи короткие до локтя. Кокетка рубахи и рукава украшены вышивкой. Техника мелкий крест. Нитки черного и красного цвета, хлопчатобумажные. Орнамент растительный цветочный: вьющийся стебель цветка. (На кокетке под воротом инициалы Е.С., владелицы рубахи, которая принадлежала Елизавете Прохоровой, проживавшей в д. Окулихе Ковалевской волости. Сшита рубаха и вышита в 1902 г. как приданое). Рукава рубахи: по краю защипы и вышивка – техника крест и гладь. Нитки хлопчатобумажные – красного и черного цвета. Рисунок растительный: вьющийся стебель с распустившимися трехлепестковыми цветами.

Женская праздничная рубаха под сарафан

Эта рубаха надевалась под сарафан. Рубаха на кокетке с невысоким воротником-стойка, пышными рукавами и длинной подставе, подшитой к кокетке. Кокетка рубахи с плечевым швом. Передняя часть кокетки распашная, правая пола накладывается на левую и застегивается на пуговицы на прорезные петли. Пуговицы небольшие, белого цвета. На полочках кокетки выстроены по три горизонтальных защипа (0.5 см). Под защипами вышивка в технике тамбура: цветочный орнамент. Узор выполнен

нитками черного и красного цвета. Воротник – небольшая стойка, на которой вышивка тамбуром красными и черными хлопчатобумажными нитками. Техника – тамбурный шов.

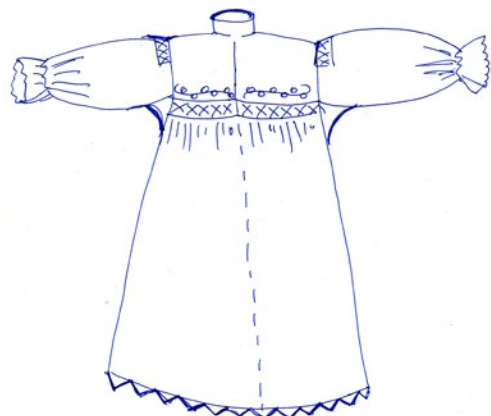
На спинке кокетки вышивка аналогична вышивке на груди кокетки. Исполнена хлопчатобумажными нитками черного и красного цвета.

Нижняя часть рубахи – подстава, сшита из 4-х полотнищ льняной домотканой ткани. К кокетке подстава собрана в мелкую сборку с обеих сторон впереди и сзади. Сборка собрана на одну нитку. В данной рубахе кокетка накладывается на подставу, и шов проходит по согнутому краю кокетки.

Нижняя часть подола украшается неширокой накладной полосой вышивки растительного орнамента, состоящего из цепочки соединенных между собой цветочных розеток. Подол подставы заканчивается мысами, выполненными из толстой красной пряжи. Рукав рубахи короткий до локтя сшит из фабричной хлопчатобумажной ткани белого цвета, широкий по всей длине с «перехватом» у локтя, образует широкую оборку, край которой обшит узкой полосой кружева фабричной работы. Между рукавом и станом рубахи вышита квадратная ластовица. У плеча в верхней части в технике набора – сборка. Рубаха шита и на машинке, и вручную – это внутренние швы сшиты на руках. Кокетка рубахи: лицевые ее швы выполнялись на машинке.

Рубаха праздничная из фабричной ткани

Эта рубаха сшита из ткани фабричного производства и домотканой ткани белого цвета. Рубаха на кокетке. Кокетка на груди распашная, застегивается на три пуговицы, прорезные петли на левую сторону. Кокетка туникообразного кроя без плечевых швов. Впереди на кокетке и спинке вышивка. Вышивка выполнена в технике мелкого креста хлопчатобумажными нитками черного и красного цветов.

Вышивка на кокетке: все детали соединены между собой, под вышивкой ткань подставки собрана в сборку. Сборка фигурная и находится под кокеткой и впереди, и сзади. Вышивка также и впереди, и сзади.

Подстава к рубахе подшита под кокетку и состоит из 4-х полотнищ – по два полотнища впереди и сзади. Подол подставки украшен полосой треугольных фестончиков. Рукав рубахи короткий до локтя шит из фабричной тонкой ткани белого цвета, широкий по всей длине. У плеча рукав собран в фигурную сборку, низ рукава заканчивается широкой оборкой. Подстава, кокетка шиты на руках. Рукава – на машинке.

Рукава нерехтских рубах

Немаловажную роль в рубахе составляли ее рукава. От них зависела вся красота рубахи, ее назначение – быть ей будничной или праздничной.

В Нерехтском уезде рукава рубахи шили двух видов. Широкие по всей длине с широкой и пышной оборкой украшенной кружевом, собранные у плеча в сборку, что придавало им особую привлекательность. Бытовал и другой крой рукава: кошенный – широкие у плеча и суженные книзу. Оба вида рубах были короткими до локтя. Шили рукава из лучших тканей – батиста, ситца, сатина однотонного белого цвета.

Основной способ украшения рубахи – вышивка и обшивка кружевами фабричного производства или своего домашнего вязания связанные крючком. Вышивка выполнялась нитками фабричного изготовления и крашения, в основном нитками черного и красного цвета.

Интересно отметить, что в глазах наших предков вся одежда, носимая ими, в том числе и женская рубаха как нательная, так и верхняя обладала большой магической силой, защищая наиболее уязвимые части тела человека – это открытая шея, кисти рук и ног. Поэтому совсем неслучайно, в женской рубахе ее ворот, край рукавов, подол, разрезы на груди рубахи, а также места соединения деталей рубахи, а именно, верхней части рукава у плеча со станом рубахи – ее полики, кокетку, также украшали вышивкой. Эти основные части женской рубахи являлись местами традиционного расположения вышивки на рубахе – на вороте, груди, рукавах и подоле.

Орнамент вышивки был геометрического и растительного характера. Он состоял из однорядных или многорядных волнистых линий, переплетенных между собой, в основном растительного характера. Встречается и геометрический рисунок, состоящий просто из прямых линий как одиночных, так и соединенных в два, три ряда. Ромбический орнамент из мелких ромбиков, квадратов, соединенных между собой в одну линию, или собранных в усложненную ромбическую фигуру.

Большей частью распространен был растительный орнамент из стилизованных пышных ветвящихся стеблей цветочных растений как одиночных, так и парных соединенных и переплетающихся между собой.

Орнамент располагался широкой или узкой каймой по подолу, по вороту, краю рукавов, кокетки рубахи и ее спинке, завершая, таким образом, весь цикл пошива рубахи от ее раскроя, до ее украшения. Техника вышивки всех просмотренных рубах – крест простой.

Просмотрев небольшую коллекцию женских рубах Нерехтского уезда, можно отметить,

что собрание женских рубах состоит только из двух видов – это рубахи с прямыми поликами и рубахи на кокетке⁶. Все нерехтские рубахи шились с ластовицами подмышкой, соединяющими рукав со станом рубахи. Большая часть рубах в изучаемой коллекции – женская рубаха на кокетке. Этот вид рубах вошел в моду в конце XIX в., и не случайно. На происхождение этого вида рубахи большое влияние оказала городская жизнь, когда деревня стала сближаться с городом, перенимая от него городской образ жизни, что коснулось и одежды. Тогда в деревне и стали появляться новые виды одежды, например, женская рубаха на кокетке.

Итак, мы познакомились с особенностями женских рубах Нерехтского уезда (они принадлежали жителям д.Чирково, Буртасово и с.Троица). Это один из интереснейших видов женской одежды, которую женщины носили и в будни, и в праздники, берегли, передавая их из поколения в поколение, тем самым сохраняя многовековые традиции в пошиве этого вида одежды русской женщины.

Примечания

1. Забелин И. Домашний быт русских царств в XVI-XVIII веках. – М. 1872. Том 2.- С.1.
2. Там же. – С.628.
3. Там же. – С. 628.
4. Там же. – С. 628.
5. Там же. – С. 629.
6. Коллекция женских рубах Нерехтского филиала Костромского областного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Рукопись по материалам выезда. Архив автора. Записи 2002 года.

Нина ГАНЦОВСКАЯ,
доктор филологических наук, профессор КГУ
им. Н.А. Некрасова

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕСЕ

Рассказы тех, кто всю жизнь прожил рядом с ним

Жизнь костромского крестьянина немыслима без леса, ведь он (лес) в буквальном смысле дает питание (грибы, ягоды), одежду и обувь (лыковые лапти, берестяники, шубы и шапки), тепло (дрова, хворост), снабжает жилищем, разного рода хозяйственными постройками, домашней утварью и т.д. В лесу живут таинственные существа, добрые и злые. В лес можно ходить по доброй воле, по собственным надобностям, но, увы, многим, даже молодым девушкам, пришлось в недавнем прошлом много и тяжело работать в нем по принуждению. Сотни слов и выражений называют реалии и понятия, связанные с лесом. Большие массивы леса, преимущественно хвойного – это бор: “Сосновый бор. И с елкой он. А береза – это роща. В бору грибов много” (Парфеньевский район). Березник, ельник, елишник – заросли ольхи (“И не видно под снегом ручейку, что уже под шубой яшеником протекает”). Е.Честняков “Ручеек”. Так называют леса преимущественно одной породы. Чашу могут назвать дебря, рамень, тайга, чащина; горелый, выгоревший лес – гарь, гарник, паль; лес, растущий на болоте – шохра, ляда, лядина; дерево, вырванное с корнем – выскирь. Лесные ягоды, грибы в костромских говорах имеют свои названия: брусена, гоноболь, голубника (голубика), земляника, жаравика, жаравка (клюква), черница, комоника (красная смородина или крупная земляника). На востоке области “губы” обозначают грибы, а несъедобные грибы называют “собачьи губы”. Белый гриб имеет много названий на территории нашей области: боровик, барский гриб, беловик, белянка, векошник, коровка, коровяк, коровник, коровенник, самотой и др. (по данным И.В. Лебедевой).

Костромские говоры

По народным поверьям, в лесу может жить лесной царь (а у воды – водяной царь) и рядовые обитатели леса: лешие, лесовые, лесной дедушка, боровой и женские персонажи: лешачиха, лесовиха, кикимора, красна дева и др.

«Густой, страхатой лес был»

А на месте Волгореченска сосновый бор был, густой, дремучий. В Закурье в гости ходила, он был большой, страхатой. В этот лес мы за мхом ездили. Таскали его, как одеяло. А вот уже в 1926 году Пустынь была затоплена, одна верховка была видна. Все остальное в воде. Немного подальше Волгореченска было Кузнецово, Ермолаиха, Пестерюшно. Пестерюшно была большая деревня. Раньше в Марфино ездили запасать сено из Худыносского, Коново, Сыданихи... Много народу ездило. А потом все деревни потопили. Волгу вычистили, чтоб глубже была.

Записала Соснина М. от Сосниной Марьи Ивановны, 1915 г.р. Красносельский район, д. Худынское, 1996.

«Ляса были у нас хорошие»

Ляса были у нас хорошия, а в лясу всягда была чиста. Здесь сийчас пайдешь, так зава-лился, дак и ни вылизешь. А раньше все была чиста. Как в калхоз-та зашли, тут стала все вроде с лесам хуже и хуже: рубить стали больша, захламлять больша.

В лясу ляркса сабирали, лярксвенные травы, каторые были. Многа бирали трав, сабирали и дякопий. Была у меня свякровка, у ие были рематизьменные ноги. Ана вот все пила дякопий. Как ноги атымуща, папшет дякопью, у ей и прадила.

Грибы всякия. Расли рыжики у нас, много было тамади над рякой. Баравики расли, цылики, белые грибы, урюпы – ета все расло.

«А ель начала каллоца»

Сучки абрубали, мужиков была мала, большинсво сами все спиливали. Пилы про-

стыя: адна за ручку, втарая – за другую, вот и пилишь дерива. Адин рас малеханька ни убила. Вот пилим: ана с той стараны, я – с этай, а тут кучи были накладены хвою. Пилим-пилим, а она (ель) начала калоща. Колицца и валищца, и нам никаторой не убязать, и качаищца туды и сюды, думаю, щас каторай-нибудь... Аказы-вацца, ана так и пратянулась вдоль, а мы оби астались. Адну девушку убила у нас, убила лесам, упала асина. Пака да Чухломы на тилеге визли, ана и умярла.

Записала Сироткина Г. от Вагановой Анны Михайловны, 1911 г.р. Чухломский район, д. Федоровское, 1986 г.

«Зимами нас угонят в лес»

Что те сказывать-то? С которова краю нацинать-то сказывать-то? Одну роботку знали. А нынче у вас все праздники. Спите тольки.

Зимами нас угонят в лес елки рубить. Всю зиму тамо и живем. Был красный уголок. Поедим и в красный уголок убежим. Едим: из лесу, все застыли, во штанах. Поедим и лягом на нары. Отогреемся – и на танчи, и в лаптях пляшом. Ночью соберем котомоцьки, да и побегим. Ланно – не ланно, и сами не знаем. Бежим по лесу. Нас поймают, вернут обратно. День да два помешкаем да опять убежим. Бывало, и убежим домой. Прибежим, дома-то уберемся, не кажемся никому. День-от в подполье сидим. От как мы жили в молодости. Как узнают, нас опять направят. Как узнают, так севоння же и отправят. И опять идем обратно, и опять там живем. До весны доживем, нас опять на сплав назначают.

Записала Ивкова С.А. от Ивковой Алевтины Осиповны, 1914 г.р. Павинский район, д. Фурово. 1988 г.

Всю жись с топором и пилой.

О жизне моей слушай. Мне 84 года, живу я одна. Все самой делать приходится. В лес всю жись одна с топором да с пилой. А посмотри, какой огород загородила, сменила старой. Срубень в колодце сама срубила и спустила, пять ден робила с колодцом-то. Здоровье у миня

хорошоё, в больницу я ни бывала. Вот так, матушка.

Записала Первушина К.В. от Диких Анны Степановны, 1899 г.р. Вохомский район, с. Хорошая. 1983 г.

ЛЕС – ЭТО ЯГОДЫ И ГРИБЫ

Важным дополнительным источником питания костромских крестьян были грибы и лесные ягоды. Обычно за ними ходили ребятишки да старики. Вот небольшой калейдоскоп на эту тему из воспоминаний деревенских жителей: “Мы косим, а робятишки ягоды да обабки собирают, поись нам наладят” (с. Пыщуг.), “По молодости я дивчонка озорная была. Тятя-то у нас строгий был. В дому-то по хозяйсву все сделаю, а пожже и гулять. А ишио на утре рано подымут то по ягоды, то на сенокос. А погулять хочецца” (с. Михайловца Пыщугского р-на), “По грибы ходили в новины. Грусь рос, цилик, подосиновик, боровицек, вовнушка” (д. Белавино Кологривского р-на), “Работали ни покладая рук, ись брали от природы да с агарода. Ох, ватагой, бывала, сабирёмси, падём рыскать. По лису находисся, хоть издыхай. Ели дамой придём. Сбирали помногу малины, чирницы, даже марошка расла на балотах-та. Харашо была, хадили далёка, любили за ягадам хадить. Их была видима-невидима, тьма. Рукам-то так и бярешь, устанут, а все равно бярешь. (д. Хореново Буйского района), “Приходилось и впроголодь жить. Летом хоть ягоды носили. Робятишки все в лес-то ходили. Носили земленику, гонобобель, осенню за жаравой (клюквой) ходили. Обабки тожо носили, клевер собирали” (д. Гребенец Макарьевского р-на), “Клюкву носили, бруснигу – и тяжели не слыхивали. Как боле набрать бы. А мужики лес тяжили. В зимницах жили. Потом лес сплавляли на какого-нибудь барина, тамо-ка приедут, посмотрют” (с. Малая Горзать Макарьевского р-на), “Коуда мне исповнилось семь лет, меня подали в няньки. Оставит, бывало, хозяйка на челой день, а я и вожуся с им. Возьму робенка в лес и собираю с им

там земленику. Наберу поуно лукошко и иду”
(д. Петушиха Межевского р-на).

«Одыновды собрались за обабками»

Ой, девка-матушка, мы одыновды собрались с Параськой в лес идти за обабками. Да Параська-то, мила, да и не пошла. Я-то одна-то да и пошла. Да ушла в таку долину, да и встрети-лася с медвидем нос в нос. Я-то присела да орать, а медвидь-то повернулся да бежать.

В войну-то ниче было исти, наварить чугуна картошки с соленым губам да с копустой и идим. А то нарежем картошки листочкам и пекем на трубе железной пички.

Молода-то была, в лесу робила. Хлеб купим, бросим во сниг, потом на тычечки ево и жарим на огне. Шибко скусно. А в зимни-е-то дни робила в лесу-то с шисти утра да и до шисти вичера.

Раньше губ сколько росло. Обабки, и синявки, и чилики, и красноголовики – их не брали, спинвали, как собачьи губы. Удешь ненадолго, а целый пестерь принесешь. Всякая губина свое время знает. Марфа, пошли завтра за брушницей? Оновдысь ходила –много была на Ванькиной гриве.

Записала Казарина Л. от Глебовой Валентины Васильевны, 1923 г.р. с. Пыщуг, 1993 г.

«По малину да губы»

Раньше бапка бродила в лис с сестрой по малину да по губы. Толда сильна жара была. Запросила сестра пить, и бапка ее оставила. Ты, бает, некуда не ходи отселя. Оставила тут с ягодами лукошко. Вот баушка-то вернулася со водой-то, а сестры-то и близко нету. Уползла. Бабка пошла, кричит: “Главдия, Глаша!”. Уж от голосу отстала, а ее и близко нет. Уснула, да от уханья она проснулася и идет к баушке. Пришли домой, баушка ругачья: “Шоп я взяла вас с собою, разорвенков. Ну, к ляду вас!”. Ягоды-ти она брала хотко, а мы ее задерживали. С тех пор она не брала нас с собою.

Записано от Дурагиной Надежды Егоровны, 1920 г.р. Павинский р-он, д. Желтенки. 1986.

«На опушке женщина в красном»

Атец мой рассказывал, ище маладой он был. В страду убирали ани хлеб. А врямя как рас был абед. Слышат: плачит кто-то, так уж плачит и плачит. Глидят, на апушке лиса женщина в красном идет и тосклива плачит. А рибята маладые саскачили и пабижали, кричат, мол, поймаем. Видят, вот-вот рядом, сичас схватят. А ана уходит все дальше и дальше и плачит.

Старики тагда гаварили, што к большой биде. И вправду, вскоре болезнь страшная нашла. Люди мерли страшно.

Записано от Соловьевой Раисы Павловны, 1941 г.р.д. Елегино Буйского р-на. 1994 г.

«А баба его уже встречает»

Пошто ноньци, говоришь, мужиков-от много молодых помирает? А вот послушай, што мне Мешальничиха росказывала. У нее брательник шофером работает. В октябре, в самую-то гресь, ехау он волоком. А калужин на дороге-то? Машина-то и застряла. Биуся-би-уся, никак не может выбратся. Вдруг баба нагая из лесу выходит. Напугауся он, не знает, што и делать. А она и говорит: “Холонно мне, мужик. Ты хоть привези мне какую одежду”. “А где я те найду?” – “А я упеть х тебе здися выйду”. – “Дак я ишшо, видишь, застряну”. – “Поежжай!” Сеу он в машину и, прауда, сразу выехау. Приежжает домой, росказау все жене. “Ште делать-то будем? Придѣция ведь новое платье-то везти”, – говорит. Подала жона ему новое платье. Приежжает он в лес, опять на то место. А баба ево уже встречает: – “Ну, поди, новое платте-то привез?” – “Новое”. – “Ну, дак вот и плохо, што новое. Знацит, ноньци все молодые помирать будут”. Вот ноньци молодые все и помирают.

Кокушку, говоришь, слыхала. А как она тебе скуковала? В лицо или в спину? Сбоку? Ну, сбоку, дак ето ишшо нецево. А вот ежли в спину, то ето к хорошему. А не считала, сколь рас скуковала?

Записано от Хренковой Анны Леонидовны, 1904 г.р.Поселок Боровской Пыщугского района. 1979 г.

«ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ К ИСТОКАМ РУССКОЙ ЖИЗНИ...» Этнографические сюжеты

Катков Виктор Сергеевич (1940-2015)

Живописец, график, мастер витража и керамики, участник областных, зональных, республиканских, международных, групповых и персональных выставок. Виктор Сергеевич хорошо известен всем, кто интересуется искусством. Выставка его памяти, недавно прошедшая в муниципальной галерее Костромы, явилась главным художественным событием этого года для всех костромичей.

Начинал свой творческий путь Виктор Сергеевич как живописец и график. Писал с

Творчество

натурымного и азартно, всегда умудряясь оживить натуру историей. В 1967 году он окончил Ивановское художественное училище, с этого времени работал в художественно-производственных мастерских Художественного фонда при Костромской организации Союза художников РСФСР по 2003 год. С 1976 года член Союза художников. Одно было неизменным в его творчестве – поиск новых форм воплощения образов и идей. Он всегда узнаваем, но это не узнаваемость повтора, привычного метода, набора приемов, его почерк – в особой эстетике профессионализма. Он виртуозный рисовальщик. И экспрессия линии, штриха, передающая нерв работы, движение карандаша, мелка

Пейзаж с красной церковью. к.м.

пастели в его работах столь же важны, как и сам замысел, смысл и образ.

Живопись и графика – не единственные виды искусства, которым отдавал свой талант В.С. Катков. Он первым в Костроме начал делать витражи для оформления интерьеров общественных зданий. Некоторые из них можно увидеть в административном здании на проспекте Мира, 4, в здании «Костромаэнерго», в санатории «Волга», в кафе при университете им. Н.А. Некрасова. Цветное стекло в контуре свинцовой обкладки: декоративные композиции с растительными побегам и геометрические узоры, гладкое листовое стекло и вставки запеченного, рельефного стекла. Ему всегда было интересно экспериментировать с этим материалом, менять его фактуру, прозрачность, обогащать рельефом другого цвета.

Совместная работа с мастером народной керамики М.А. Тепловой над проектом фонтана в зимнем саду профилактория «Костромаэнерго» стала началом их многолетнего творческого содружества. Результат его – коллекция авторских работ из керамики: вазы, сосуды, панно с использованием шамота и глазури.

В.С. Катков – участник экспедиций сотрудников музея-заповедника по изучению и сбору произведений народного искусства. Народные росписи стали семейным увлечением. «Крестьянские росписи в интерьерах изб и на деревянных бытовых предметах» – тема исследования искусствоведа С.С. Катковой (зав. отделом древнерусского и народного прикладного искусства в Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике с 1969 по 1986 гг.). В.С. Катков, выезжая с ней в экспедиции, сделал множество зарисовок – копий росписей в избах Буйского, Вохомского, Павинского, Боговаровского районов (все они находятся в собрании музея-заповедника). Освоив приемы живописных росписей, Катков применял их в проектах интерьеров кафе, столовых, разрабатывал сувениры. Статьи и доклады о костромских росписях в крестьянских избах опубликованы С. С. Катковой в разных сборниках и журналах.

Мы попросили Светлану Сергеевну Каткову рассказать о том, как готовилась выставка и о том, как рождались этнографические сюжеты в творчестве Виктора Сергеевича.

– Готовясь к выставке, мы пересматривали все живописные, графические работы, зарисовки и с изумлением заметили, что в его альбомах масса набросков, которые по-своему создают образ крестьянского быта и труда. Даже профессиональные этнографы не всегда замечают то, что может дать повод художнику создать картину. Например, «Пасека в Колгоре». Сзади двора, по периметру огорода, выложены поленицы колотых дров, и в центре этого замкнутого каре сгрудились ульи. В северной деревне и летом бывают холодные дни, с ураганным ветром и ночными холодами. Заботливый пчеловод придумал, как оградить от них свою небольшую пасеку. А сколько труда вложено в заготовку дров. Тут их не на одну зиму.

Длинная и суровая зима в наших краях требовала большого запаса дров, печи топили по два раза в сутки, большую русскую печь, и подтопок с лежанкой. А поутру у печки хлопотала хозяйка, ворочая ухватами большие и малые чугуны, горшки. В рисунке В. С. Каткова ухваты оживают, словно идут навстречу женщине, готовые помочь ей у горячей печи. Скоро только в музее да на картинах художников можно будет увидеть деревянные вилы, которыми так удобно было метать сено в стога. Стога тоже попали в поле зрения Виктора Сергеевича. Он любил, приезжая в деревню Колгору, помогать другу Коле в сенокос.

В Колгоре же он впервые познакомился с технологией сушки сена в дождливое лето на сушелах, а в Вохме узнал маленькие хитрости в укладке стожков на дальних сенокосах. Там под стог клали пару молодых березок и на перекрестье их ставили вертикально жердочку, вокруг которой и метали стожок. А зимой по снегу, прицепив к саням за комли березки, перевозили стожок ко двору. Скотину выпускали из хлева, и она кормилась на морозце, объедая

Ветряная мельница. к.м.

Скворечники. к.м.

Вилы. х.м.

Пасека в Колгоре. х.м.

стожок. Скота держали много. У каждого дома в северо-восточных районах области был свой колодец – журавль. Около него обычно стоял деревянный жёлоб, в который заливали воду, чтобы скот пил.

На одной из картин Каткова около колодца стоят кадки. Близится Покров, и пора рубить капусту. Вот и достали из погреба кадки. Надо их хорошо замочить, прошпарить с можжевельничком. В зиму много чего надо, если семья большая.

У Каткова в картинах дома все больше со стороны двора, с фасада он изображает их редко. Веселых фасадов и другие художники

много написали, а задворки, где по большей части трудятся, где ухаживают за огородом и скот держат, где видно, как приспособлена к особенности жизни деревенская изба, где все так практично устроено – это мало кто видит и понимает. Например, почему тут дверь, широкие ворота, навесной балкончик? Почему так разнообразны огородные изгороди и почему вдоль них на высоких шестах стоят скворечники? Или совсем забытые пугала, огородные сторожа, обряжая которых хозяева проявляли изобретательность и своеобразный юмор. Умели из отслуживших вещей создать шумного и веселого сторожа, подвесив ему на руки веники, на

шею связку развалившихся лаптей или подпелить руки ходулями. Тоже творчество. Вместе с уборкой урожая убирали на зиму под навес и пугала или сносили ко двору, чтобы сберечь на будущее лето.

Умели мастера удивлять друг друга выдумкой. И художник замечает эти блестящие творчества. Так поразили его в Вохомском районе удивительные ворота с навесом, в каждой усадьбе разные. В д. Басалаеве увидели мы просто фантастические ворота, с резными кронштейнами. Все украшены солнечными и вихревыми розетками. Космос спустился на землю. В этих символах мировоззрение крестьянина. От милости солнца зависело, будет ли прогрета земля, оросят ли посевы благодатные дожди. И эти знаки-обереги вставил он на рисунок ворот в усадьбу. Художник нашел свой прием, как передать серебристое от старости дерево, набор воротин из дощечек. Тонкие, частые штрихи пером создали чистый образ, с особой праздничной легкостью.

А сколько разных саней, телег изобретено деревенскими умельцами. Конструкция, силуэт легких саночек-кошёвок увлекали художника, и он писал их порой вместе с лошадами, а больше на покое – в каретном сарае, или оставленными среди бурьяна доживать свой век.

Художник любил незамысловатые сюжеты: отбивают косы, делают новые сани, бабы стоят утром у колодца. Даже не видя их лиц, только по тому, как они стоят, мы легко представляем их лица, привычки, жесты, походку. И рядом вечная спутница в деревенской жизни – лошадка. Она везет сено, баб на сенокос, к сельмагу хлеб с пекарни. На саях фургон, как дощатый домик, в котором стоят поддоны с буханками хлеба. Когда возница открывал дверцы, на морозе расходился аромат свежеиспеченного хлеба. Еще не так давно каждая хозяйка пекла свой хлеб в каравах, на поду печи. В Колгоре у Коли жена пекла особый – подовой хлеб с медом.

В акварелях Катков любовно изображал расписные избы, в которых русская печь, как барыня, в праздничном уборе. От порога

Колодец-журавль. к.м.

Огородные сторожа. к.м.

В амбаре. к.м.

В Колгоре. к.м.

Крестьянский двор. к. м.

Лодки. к.м.

по лесенке можно было забраться на голбец, заборка его расписана розами по красному фону. В голбце – дверь в подпол, и на ней тоже букет роз или красавцы гривастые львы. Припечная доска поддерживает полицу, упирающуюся в стену напротив чела печи. Подпечье тоже прикрыто филенками с росписью, туда хозяйка, закончив топить печь, убирала ухваты и горшки, а в лютые морозы в подпечье приносили отогреться куриц. Шкафчик-залавок шёл вдоль стены, и на его широкую доску хозяйка ставила свежий хлеб, пироги и накрывала их холстинкой, полотенцем. На одном из залавков мастер росписи дал наказ: «Хозяйка пироги пеки, а краску береги».

На зиму в избу вносили ткацкий стан, и до самой весны сновал челнок, и ткали женщины льняные холсты: в мелкую клеточку – пестрядь для рубах и сарафанов, портянину для онучей, портянок, рабочих голиц, рядно – для мешков. Катков в амбаре увидел, словно прокалённые солнцем, мешки с зерном, мукосейную доску, решета. Урожай собран, зерно припасено для мельницы. В его картинах есть и мельница-ветряк, с избушкой на ряжах. Когда-то наша семья жила рядом с мельницами, что стояли на первом участке Костромского музея деревянного зодчества, среди застройки Береговой улицы. Это потом их перенесли за монастырь.

В лубяном коробе лежит свернутая в рулоны новина. Это тоже сейчас уже редкость. А нам в экспедиции показывали эти бережно хранимые холстинки. Так стремительно меняется быт деревни, уже исчезают вместе с ним традиционные ремесла. Разве как сувенир еще могут где-то сделать лубяную коробку, да и за стан садятся для того, чтобы сотворить нечто свое, или удивить умением – управляться с этой древней техникой.

Картины, рисунки Каткова – это не дотошный отчет о быте деревни, это признание в любви, уважение к истокам русской жизни. При этом у него были и чисто художнические поиски в композиции, форме и приемах письма. Его работы есть в собрании Костромского музея-заповедника и частных коллекциях.

В. С. Катков в последнее время с увлечением работал над проектами с использованием кованого и сварного металла. Однако, исполнить в материале удалось немного: композицию «Предвестники рассвета» (совместно с Н.А.Касаткиным) и буквально в день открытия выставки Николай Касаткин завершил работу, посвященную памяти павших в Великой Отечественной войне.

Виктор Сергеевич работал до конца. Ушел он из жизни, оставив значительное наследие. В эскизах и проектах осталось много замыслов, которым не суждено было сбыться.

Красный интерьер. б. акв.

Короб с новинкой. к.м.

Март. к.м.

Малые Соли. к.м.

Зима в Судая. к.м.

Бабы. б. пастель.

Розы и птицы. Разделочная доска.

Резные ворота. б. тушь, перо.

Тарелка. Герасим-грачевник.
Глина, графья, глазурь.

Вазы «Лето». шамот, глазурь.

Татьяна ГОНЧАРОВА,
учёный секретарь Музея-заповедника
«Костромская слобода»

ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ И СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ КОСТРОМСКОГО КРАЯ. КОНЕЦ XIX – XX ВВ.

Основным источником для этого обзора является архив историко-краеведческого журнала «Губернский дом», где за 24 года существования издания собран большой архивный материал, в том числе и неопубликованный. Хотелось бы также вспомнить наследие и огромную подвижническую работу исследователя костромского фольклора Аллы Васильевны Кулагиной, а также организованные ею экспедиции кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, давших читающей Костроме два фольклорных сборника записанных обрядовых текстов «Ветлужской стороны». С уходом из жизни А.В. Кулагиной судьба её записей, во многом оставшихся неопубликованными, к сожалению, не ясна. Уникальные записи костромских обрядовых традиций были собраны в 1990-е годы, когда областной Дом народного творчества совместно с областным архивом по аналогии с программой собирательской деятельности Костромского научного общества по изучению местного края разработал авторскую программу исследования традиционной культуры – «Дорогами народных традиций» (автор – Т.В. Войтюк). Сюда составной частью вошла и тема изучения опыта православных традиций Костромского края. Сегодня на базе ОДНТ готовятся сборники научно-практических конференций в рамках фестиваля-исследования традиционной народной культуры «Дорогами народных традиций», где также исследуются темы народного благочестия и семейной обрядности. Работниками культуры на местах, авторами рефератов, ведутся записи о праздниках народного календаря, обычаях и ремеслах и

т.д. К сожалению, архивы эти за прошлые годы в большинстве своём были утрачены во время переезда учреждения из одного помещения в другое и не доступны широкому кругу исследователей. Частично материалы участников конференций были опубликованы отдельными выпусками ОДНТ в сигнальных тиражах, а также в журнале «Губернский дом».¹

Многие из материалов, не вошедших в эти сборники, «Губернский дом» публиковал в 1990-е и 2000-е годы по копиям собранных текстов, хранившихся в архивах и отделах культуры муниципальных районов Костромской области. Эти материалы позволяли сделать вывод о том, что семейные обычаи и обряды, связанные с православной традицией, записанные в 1980-х и 1990-х годах, сохранили свою устойчивость до середины XX века. А там, где церковные приходы продолжали действовать или где в 1990-е годы возобновлялась жизнь церковной общины, реставрировались и подновлялись церковные здания, православный обычай в своей основе сохранился до 2000-х годов – обряды крещения, имянаречения, именин, свадебные и похоронные обряды, в проведении православных праздников Рождества, Пасхи, Троицы и других.²

Престольные праздники

На примере традиций с Вознесенья-Вохмы, записанных в начале 1990-х годов, можно сделать вывод о том, как чтился в церковном приходе день празднования того или иного святого. Раньше в большинстве крестьянских домов обязательным считалось иметь икону престольного праздника того храма, который посещаешь постоянно. « Престольный праздник всегда праздновался широко, – вспоминает уроженка села Вознесенья-Вохмы Н.А. Герасимова. – Готовились к нему заранее. Постились, с утра шли в церковь нарядные, обязательно исповедовались и причащались. После церкви молитва продолжалась дома. На колени тятя ставил всю семью и детей тоже. Только помо-

лившись, приступали к трапезе, в праздники это было праздничное застолье».³

А так как застолье всегда праздновалось за столом, в старину существовало немало обычаев, связанных с этим предметом. До сих пор многие старые люди не только стол, который стоит в переднем углу под иконами, но и любой стол вообще называют Божиим престолом. Объяснения таковы: издавна стол выступал неким символом, объединяющим семью и в горе, и в радости, т.е. во все случаи жизни (по поводу и без него). За столом собиралась вся семья за обедом. За столом собиралось свадебное застолье, праздновалось рождение ребенка, крестины. И даже гроб с умершим человеком ставили зачастую не на скамейку, а на стол. Относились к столу с особым уважением, к этому приучали и детей. К примеру, бить кулаком по столу и стучать ложками считалось большим грехом. На стол не разрешалось становиться ногами (исключение составляет лишь подготовка к большому религиозному празд-

нику, когда женщины, становясь на специальные столики, которые были выше скамеек и лавок, мыли и драили потолки). Нельзя было на стол садиться и садить маленького ребенка, оставлять на столе шапку и варежки. Не разрешалось сидеть на столе и животным (кошке). «Стол – престол, и относиться к нему необходимо было с достоинством».⁴

Подготовка к престольному празднику начиналась задолго до самого праздника. Помимо того, что каждая семья запасала к празднику различные продукты (яйца, масло, сметану, сладости), варили домашнее хмельное пиво.

Перед престольным праздником наводилась особая чистота и порядок. Прибиралась даже улица. Каждый хозяин прибирал территорию вокруг своего дома, улицу же мели и чистили сообща. Уборка в доме начиналась рано утром накануне праздника. Вначале чистили и мыли иконы в переднем углу. Но прежде, чем приступить к этой процедуре, читались молитвы «Отче

наш», «Богородице, Дево, радуйся...». Воде, которой мыли и протирали иконы (иногда это была святая вода), придавался особый смысл. Ее нельзя было просто вылить или выплеснуть. Таз с водой выносили обычно под яблоню (или березу), т.е. в то место, где никто не ходит. Такое место называлось чистым.

После уборки красного угла убирали и мыли весь дом, а затем и подсобные помещения. Лампадки в домах горели всегда, а вот дополнительные зажигали перед вечерней молитвой накануне престольного праздника. В этот же день топили баню, мылись. Считалось, что в престольный праздник нужно быть чистыми. Одевали всегда чистое белье. Хотя обновки и были редки, у каждого члена семьи существовала праздничная одежда. Некоторые вещи вообще передавались из поколения в поколение. В престольный праздник храм посещали всей семьей, кроме больных и престарелых, которые оставались дома и ждали молившихся. К праздничной службе в церковь шли празднично одетыми. Надевали всегда самое лучшее.

Обязательным считалось поминание в этот день умерших родственников. Ставились свечи, заказывались обедни, молились за упокой. Старые люди говорят, что престольный праздник должны праздновать не только ныне живущие, но и те, кто некогда посещал этот храм и молился за их здоровье.

В канун престольного праздника имел место обычай тайной милостыни. «За душу умершего, во здравие болящего и в некоторых иных случаях подают тайную милостыню: ночью тайно клали на окошко бедным денег или хлеба, а иногда восковую свечу».

Очень редко, но встречалось и такое: если в семье кто-либо тяжело заболел, то его домашние, «посоветовавшись между собою», посылали в ночное время по деревне с милостыней специально выбранного хорошего доверительного человека. Подобная милостыня состояла из свечей и запаса еды. Кто побогаче, в милостыню клал деньги в надежде, что люди, получившие ее, непременно помолятся Богу о здравии болящего.

Но более распространенной все-таки считалась простая милостыня. Подавали ее хлебом, пирогами, сметаной, молоком... Эту милостыню не оставляли снаружи дома, а вручали домохозяевам. Тайная милостыня была распространена до 20-х годов XX века. Тайная милостыня входила в поминальные поминовения усопших: в ночь на Радоницу, в канун Вселенских родительских суббот, а также в ночь больших церковных праздников.

«Тайная милостыня – это когда помогали бедным, нуждающимся, попавшим в беду. Помогают в любом случае, но чтобы никто не видел. Приносили тайно, кто что принесет – денег ли, образ ли. Тайная милостыня доходнее всех других поминаний. Не хвалились, а помогали». «Раньше ведь как – у кого есть коровка, а у кого и нет. У кого нет, тому на праздник на крыльцо приносили молочко, сметанку. Сейчас – не как раньше: сейчас мы дадим да похвалимся. А хвалиться нельзя».⁵

Престольные праздники в окрестных селениях также праздновались в особые дни. Так, Троица праздновалась в селе Троица, Покров – в Покрове, Казанская – в Лапшино, Преображение – в Спасе, Рождество Христово – в Кажирове, Рождество Пресвятой Богородицы – в Коннице.

Поскольку престольный праздник был временем празднования для всего прихода, то в празднующее село всегда съезжалась вся округа. Это был удобный момент для торговли. Поэтому престольный праздник совпадал с ярмаркой.

Святки и Рождество

Зимние Святки были одними из наиболее почитаемых и любимых праздников русского народа. Начинались они с Сочельника, кануна Рождества, и длились две недели до Крещения. В деревне Выметово (теперь Красносельский район Костромской области) говели до первой звезды. В деревне Малинки говорили в народе, что «Христов день – Рождество – всем праздникам праздник». Ходили по деревне – колядо-

На масленой неделе в деревне. С открытки нач. XX века.

вали. (Симонова Е.И., 1914 г. р., д. Малинки). В деревне Чудь, под Сидоровским, на Рождество парни группой ходили по дворам со звездой (звезда светилась, вставляли свечку). Парни были в костюмах при галстуках и обязательно в ботинках с галошами. Рождество очень почитали, ходили в церковь, при входе в церковь галоши снимали. В Рождество ходили по домам священники с иконами. Заходили в каждый дом, надо было целовать крест. Накрывали столы, пели молебен. (Чернова С.А., 1910 г. р., д. Чудь).

В деревне Кузнецово на Рождество ходили дети колядоваться с молитвой. В домах, куда заходили дети, их угощали пряниками и конфетами. Взрослые рядились ряжеными, пели и плясали, славил хозяев, получали в дар деньги и продукты. (Шамина Е.П., 1907 г. р., д. Кузнецово). В селении Здемирово, по рассказам Гребенниковой Марии Андреевны, 1920

г. р., и Шагановой Надежды Петровны, 1925 г. р., очень соблюдали пост. Ночью на Рождество шли в церковь. После церкви прямо с утра ходили по домам со славой. «Пели молитвы, а хозяева отблагодарят деньгами или конфетами. Входя в дом, говорили: “Разрешите Христа восславить” — и пели все громко, четко выговаривая слова, иначе старшая из подруг или кто-то скажет: “Что ты не пела?” или “Плохо пела” и дадут меньше. Вот и старались петь хорошо». (Иванов В.И., 1924 г. р., д. Заречье).⁶

От Николы до Пасхи

**День памяти Николая Чудотворца.
Никольщина. (22 мая и 19 декабря).**

«Никольщина», как называли этот праздник крестьяне, ведется испокон века «езде по Лапшанге, по Ветлуге, в Шуцкой волости и по

другим местам Варнавинского уезда и Ветлужского уезда. В день торжества в четверг крестьяне деревни всем обществом идут в церковь и служат обедню, а после обедни поднимают иконы и идут молебствовать во двор домохозяина, который справляет Никольщину. Здесь, во дворе, прямо против передних ворот, ставится стол, покрытый белой скатертью или столешником, и на нем, на особой холстине длиною аршина 1 1/2 или более, смотря по усердию, кладется отрубленная в виде окорока задняя правая нога бычка «ляжка». На столе же ставится и чашка с водой для водосвятного молебна, а затем во время молебна священником кладется на стол крест и Евангелие. Домохозяин с караваем хлеба и с щепоткой соли на нем, а также с ликом (образом) Чудотворца Николая, снятым с тябла (божницы) и поставленным на каравае, с укрепленной зажженной свечой перед образом встречает иконы перед двором». ⁷

Иконы расставляются во дворе за столом и по обе его стороны, их держат все время на руках, каждую икону один или двое мужчин или женщин, смотря по величине иконы. Когда иконы поставят, хозяин кладет на стол каравай хлеба с солью и образ Николая Чудотворца с зажженной свечой, а священник начинает служить молебен. Причем, если кто не вмещается во дворе, то стоит вне двора на улице. Вся скотина домохозяина помещается также в это время во дворе, в его глубине. По окончании молебна иконы становятся по обе стороны ворот, и скотину со двора пропускают между икон, а священник в это время окропляет ее освященной водой. Далее священник кропит везде: по двору, по всем хлевам и омшанникам. «После молебна во дворе служат затем акафист Великому Миколу в избе, а засим иконы относят в церковь и здесь опять служат молебен Великому Миколу».

Ляжка и каравай хлеба после молебна поступают в церковь, забирает их сторож в мешках и относит церковному старосте, священнику за службу платят около 3-х рублей и после молебна в церкви приглашают его к себе

на обед: «Просим милости, батюшка, к нам Великого Миколу величать!». ⁸

Семик

Семик отмечают в четверг на 7-й неделе после Пасхи. По времени он совпадал с началом древних аграрных празднеств — Русалий. Летние Русалии продолжались до конца июня и включали в себя ряд магических обрядов, утверждающих жизнь и побуждающих природу к щедрому плодоношению. Сакральные действия проходили близ водных источников, в рощах, лесах, полях и достигали кульминации в день летнего солнцестояния — праздник Купалы 24 июня.

Христианский Семик противопоставил языческим “чувствованиям веселья” благочестие и благотворение. По православному обычаю в этот день посещали убогие дома, приюты, богадельни, оделяя их обитателей посильной милостыней. Отголоски забытых “игрищ” сохранились в нежном обряде ходить в Семик в ближайшие рожи и принесенной оттуда зелены украшать церкви, улицы, жилища. О древних же Русалиях напоминают обряженные лентами березки и плывущие в Троицу по реке девичьи венки.

“В Семик у нас девочки украшают сломанную березку, с которой ходят по деревне в праздничном наряде и поют разные песни. Потом уходят в лес и на кудрявых березках завивают венки в виде колечек. Потом сквозь них целуются, приговаривая: «Кумушка-матушка, не бранися, не бранися до Троицина дня...» А когда уходят, наговаривают: «Кто веночек разовьет, того пусть кумиха забудет...» (д. Аристово Челпановской вол.)

“Семик у нас справляют так. Ходят в лес, рубят березок и “салят сад”. “В саду” пьют чай, едят яичницу, поют песни, заплетают венки”. (с. Семеновское Семеновской вол.) “У нас, бывает, приносят березок и завивают ленточками, вывешивают на переднюю стену дома.

Сборы в церковь. Начало XX века.

И потом закупают разные сладости и кипятят самовар» (д. Шатерино Шунгенской вол.)

«В Семик насаживают молодых березок круг — «сад», устраивают столик и выносят туда яичницу... Березки украшают ленточками. Раньше, говорят, это делалось взрослыми, а теперь только девочками...» (с. Подольское Красносельской вол.)

ГАКО. Р.838. Оп. 2. Д.д. 1-21.

Пасха

«Гуляние на Пасху было большое. Гуляли на улице. Продолжалось гуляние целую неделю. Всем желающим разрешалось звонить в колокола».⁹ На Пасху пекли тоненькие пирожки, картофеленички, крупнички, яйца варили. В будни ели из одной чашки. Яйца освящали, носили в церкви. «Раньше вот так было. Мясо в чашку крошат, но до команды, которую дает отец, нельзя было его таскать. Отец по чашке ложкой стукнет, по краю чашки, все начинают таскать. Или молока крынку выльют — по ложке черпают». «На Пасху ребятишки катали яйца на пригорке, где быстрее снег сходил. Дома яиц возьмем и пока катаем, все их перебьем. Если яичко выбивали, то есть когда оно пока катилось задевало об другое чье-нибудь яичко, то его забирали». «На Средокрестье мать пекла кресты. Ребятишки ходили по домам, мать шила специальную котомку из портянины. Нас трое собирало. Принесем домой, что насобираем крестов, вывалим на стол и разбираем, это тот крест, это чей-то».¹⁰

«На Пасху затворит мамка тесто, пирожки испечет, ржаные картошечкой зальет, яичек сварит. Тятка ходил в церковь эти яйца святить. Святить ходили ночью. Утром завтракать садились и всем по яичку давали, которые из церкви принесли. А одно яичко тятка оставлял. Как придет время овес сеять, тятка несет лукошко овса и яйцо туда ложит, крестится: «Благослови, Господи, уроди, Господи». И в поле идет рассевать. Детишки на Пасху играли. Яички катали».¹¹

Семейная обрядность и ритуалы жизненного круга

В крестьянской среде в XIX веке православная традиция прежде всего была тесно связана с родильно-крестильной обрядностью. Дети — это благословение Божие, они опора семьи, ее будущее. «Рождение первенца — благословение Божие для молодой семьи. Если умирал первый ребенок, считалось, что Бог за что-то наказывает. Если умирал не первый, то говорили: «Бог дал, Бог взял». Беременной женщине надо было как можно чаще причащаться, чтобы ребенок, если родится мертвым или умрет после рождения некрещёным, увидел бы свет Божий. Ведь находясь в утробе матери, он тоже приобщался святым даров».¹²

Бабка (или повитуха, правда, в костромской деревне, особенно на северо-востоке губернии, уже в конце XIX к ним обращались нечасто, эту роль исполняли старшие члены семьи) принимала во время родов ребенка на новое, украшенное вышивкой или узорным ткачеством полотенце, чтобы новорожденный жил в достатке. Но чаще всего заворачивала в рубашку отца, обязательно старую, юношескую, что символизировало связь между ними, означало принятие ребенка отцом и наделяло его долей дожить до зрелых лет.¹³

Обряд перевязывания пуповины, «обмывание» ребенка святой водой — очистительная процедура, и главное событие в жизни ребенка — крещение происходило под святыми иконами, обряд выполнялся всегда в красном углу избы. После крещения в церкви дома устраивали крестины. Традиции этого праздничного обряда в различных уездах губернии имели свои местные особенности, но везде обязательно в этот день собирались, чтобы пожелать новорожденному долгой и благополучной жизни. Обязательным во время традиции был обряд «бабина каша» с одариванием повитухи и младенца.

«К крестинам родители готовили младенцу рубашонку беленькую. Рубашонка должна быть не распахная, а такая, чтобы через голову батюшко вместе с крестиком одевал. А маль-

чику ешо поясok тканый готовили. А потом хранили его. Как минет семь лет мальцу, его пояском подпоясывали. Рубашонку шили из льна, а кроили 2 квадрата, рукава делали тоже прямые, а в подмышки пришивали клинышки, чтоб не тянуло».

«После крещения есть обряд пострижения волос. Состригают волосёнки крестообразно и закатывают в лепёшечку воска. Надо смотреть, когда волоски в купель кинут: если плавают поверху — долго жить будет, если утонули — ишо младенцем помрёт».¹⁴

«Крёстных звали кока».

«Крестные отвечают за то, чтобы крестник стал добрым христианином. Должны учить его. Крестные заменяли родителей, если крестник

Семья крестьян. Начало XX века.

оставался сиротой. Крестник относился к ним с таким же уважением, как к матери и отцу, слушался их советов. Крестные — первые гости на свадьбе. А дети кумовьев считаются родными сестрами и братьями».

«После крестин пекли «зубки» — пирожки с разной начинкой. На «зубки» собиралась только родня. Новое ребятам шили только для церкви. А так, пеленали в старые рубахи, обреза́ли рукава. В обносках дитя лучше растет».

Поститься дети начинали с раннего возраста — с 4-7 лет. К этому времени они ели вместе со взрослыми за одним столом, отдельно им не готовили. В посты для детей готовилось особое лакомство — «кулага». Готовили его из солода, который запаривался, как тесто. Вкус был сладкий у этого блюда, что очень нравилось ребятам, так как сладостей было мало. «Ребята ели эту кулагу, черные детки, перемажутся все».

Как только ребенок начинал говорить, взрослые начинают учить молитвам: «Бывало нас мама всех поставит, нас было трое: мне 6 лет, другому и третьему по 2 года, говорит молитву, а нас повторять заставляет...».

Дети обязательно должны были знать «Отче наш», «Богородицу». «Огради нас, Господи» — основные молитвы. Читали заутреннюю молитву, перед вкушением пищи, после вкушения пищи, идущего в храм призывали Божьей помощи во всяких добрых делах; молитву на сон грядущий, канон и акафист — их чтение. «Даже когда на улицу выходишь, надо говорить:

«Ангел мой, хранитель мой,
Пойдем со мной,
Ты вперед, я за тобой».

Родители вместе с детьми перед посевом и перед уборкой урожая читали молитвы, «чтобы урожай был хороший и хорошо сохранился».

Лет с 8-9-ти начиналось обучение в школе. Учебный процесс в церковно-приходской школе начинался с Покрова, когда закончатся полевые работы, уберут урожай, а заканчивался на Пасху. Главный предмет — Закон Божий. А

также обучали грамоте и письму. Преподавали священники. Изучали Евангелие и Библию: «Книжки божественные учили... Славянская грамота была до революции. Дед у нас читал на славянском».¹⁵

Не менее интересны записи свадебных, рекрутских, похоронных обрядов, бытовавших в Костромском крае в кон. XIX – нач. XX вв. и отражающих глубокую православную традицию. Но рамки данного материала не позволяют остановиться на них подробно. Интересующимся можно обратиться к Трудам КНО (Вып. XV. – Кострома, 1920 г.), фондам этнологической станции КНО в ГАКО, публикациям в журнале «Губернский дом» и других изданиях.¹⁶

Ещё отец Павел Флоренский, известный учёный и богослов, записывающий фольклор и народные обычаи костромского крестьянства в Нерехтском уезде в начале XX века, считал, что «есть причина торопиться» с изучением традиций и опыта народной жизни: «Железные дороги, фабрики, технические усовершенствования, освободительные идеи и газетчина – эти факторы являются гнилостными микроорганизмами, всё ускореннее разлагающими быт». Он опасался и был прав, что «через 10-15 лет не останется и следа от многих бесценных слов фольклора, которыми владеет наша Родина».¹⁷

В своей собирательской деятельности Павел Флоренский учитывал и этнический состав населения, и историю заселения Костромского края, считая, что «тщательное изучение отдельных местностей позволит впоследствии произвести на карте Костромской губернии ряд

линий, определяющих собою территориальные границы той или иной особенности, – быта, лексик и диалектологии языка». Таким образом, учёный предвидел актуальную сегодня проблему – составления региональных лингвистических атласов. Он справедливо считал, что география распространения известного местного слова, известной особенности в произношении, или того или иного обычая, «пабаски, имеющей в основе своей некоторое своеобразие религиозно-общественного явления, – эти области в иных случаях, быть может, позволят восстановить древнюю этнографическую карту Костромского края».¹⁸

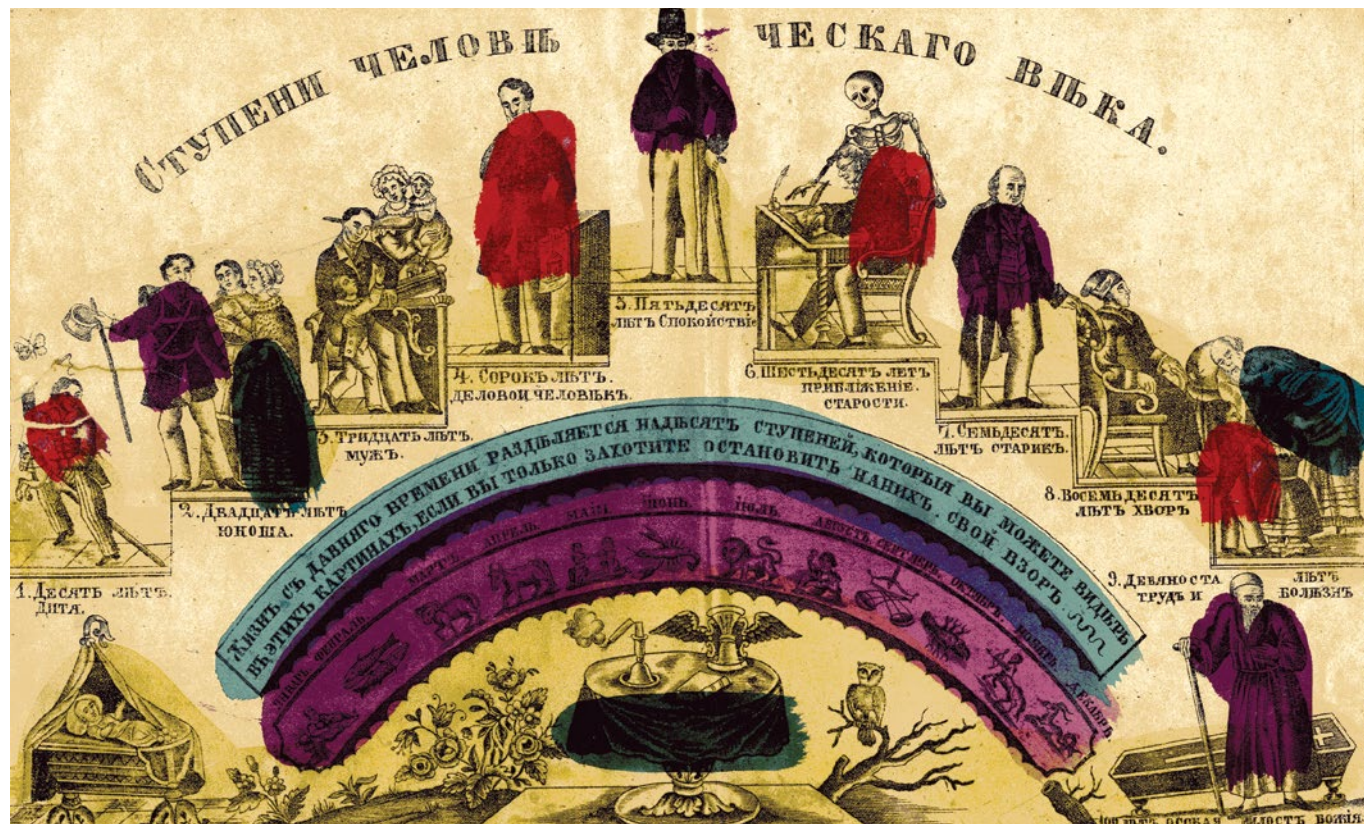
Имея богатый опыт предшественников в собирательской работе по изучению традиций и обычаев крестьянства Костромского края, мы сегодня, к сожалению, так и не смогли систематизировать, а порой и сохранить это богатейшее фольклорное и этнографическое наследие, столь кропотливо изучаемое этнографами и краеведами прошлого. Многие из них были священниками и черпали в народной жизни духовные богатства, столь необходимые для просвещения и служения. Вспомним этнографические записки Михаила Диева, Павла Островского, Ивана Баженова, Симеона Кострова и других.

Павлом Флоренским ещё в начале XX века дано было обоснование этого интереса православного духовенства к таким вопросам, как фольклор и этнография: «Как для церковного деятеля, так и для историка мысли одинаково необходимо узнать и понять народное жизненное понимание в целом. ...Народное мирозерцание как глина для воздействия пастыря... Без знания этой среды народный пастырь бросал бы семена поучения в каменистую почву, а учёный вырывал бы ростки мысли из родной земли».¹⁹

Обобщать всё то, что уже собрано и записано у народа, предстоит ещё не одному поколению краеведов и историков. Этнографическое наследие Костромского края стоило бы изучать со школьной скамьи. Без этого вряд ли наши дети смогут понять, как глубоки те корни, которые держат их на этой земле.

Примечания

1. «Губернский дом». – 2014 – 4; 2015 – №2.
2. Кулагина А.В. Неиссякаемый народный родник поэзии Повелужья. // Ветлужская сторона. Вып.2.- Кострома, 1996. – С.3-7.
3. «ГД» №3 – 2003. Запись И.Ю. Мигутиной. Воспоминания жителей п. Вохмы Е.В. Швецово, М.А. Борисовой, Л.М. Чичериной, Л.И. Фатиевой, Г.Е. Смоковдиной, Н.А. Муравьевой, Н.А. Герасимовой, М.А. Евсеевой, З.С. Лаптевой. Данные архива Вохомского района, д. 238, л. 31-36).
4. Там же.
5. Там же.
6. «ГД» №2-1999 г. Записано работниками Сандогорского Дома культуры у Антонины Николаевны Набатовой, 1924 г.р., урож. д. Нукша, жит. д. Колесово Костромского района.
7. Завойко К. В костромских лесах по Ветлуге-реке. Этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914-1916 годах. –Кострома. 1917 г.
8. Там же.
9. Запись сделана в 1994 г. Н.В. Соловьевой в д. Суховерхово у Смирновой Варвары Ивановны, 1917 г.р., д. Ложково Кологривского р-на.
10. Там же.
11. Запись сделана Н.В. Соловьевой в д. Лисицыно, в 1994 г. у Е.М. Маловой, 1913 г.р., д. Бадино Кологривского уезда Поломской волости.
12. Там же.
13. Семейные обряды. // Ветлужская сторона. Вып.2.- Кострома, 1996. – С.77-150.
14. Записано в Нейском районе Переломовой В.Н. у Смирновой А. С., 1917 г.р., д. Папино; Воинова Александра Алексеевна, 1901 г.р., д. Починок; Смирнова Анна Иосифовна, 1912 г.р., пос. Коммунар; Павлова Галина Алексеевна, 1928 г.р., д. Папино.
15. Архив ОДНТ. Н319. Мир детства в традиционной культуре. Корнилова Е.Н., с. Парфеньевы, 2003 г.
16. ГАКО. Ф. Р-550. Оп.1. Д. 19, 22, 23, 26, 28, 99. ГАКО. Ф. Р-1043. Оп. 1. Д. 52, 57, 44- 61. ГАКО. Ф. Р. -838. Оп. 2. Д. 18. Л. 8-15.
17. Дудин. В. Костромское село Коровново в истории России.- Кострома, 2009 г.
18. Сотников. Н.В. Сотников. Галич и Рыбная слобода. – Кострома, 2015.
19. «Губернский дом» № 1-2/2005. (Елена Ярыгина. Запись 1998 г. По воспоминаниям жителей Кологривского р-на Лобанова Н.А. 1922 г. р., ур. д. Починок; Звонов Н.Я. 1911 г. р. ур., д. Б.Горка; Поливанов А.П. 1921 г. р., ур. д. Ивтино и других.); «ГД» №2 – 1999 г. (Записано у Николая Яковлевича Шагина. 28 мая 1923 г.); «ГД» – №2-1999 г. (Записано работниками Сандогорского дома культуры у Антонины Николаевны Набатовой, 1924 г.р., урож. д. Нукша, жит. д. Колесово), «ГД» №4-5 / 2008.
17. Предисловие к «Собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда». – Кострома, 1909. – С.3-6, здесь и далее.
18. Кулагина А.В. П.А. Флоренский. 1882 – 1937. // Православные священники – собиратели русского фольклора. – М., 2004. – С. 220 – 222.
19. Отзывы П.А. Флоренского о работах студентов Московской Духовной Академии. // Русская литература. №1 – 1991. – С. 128– 132.

Лубок. Конец XIX века.

Елена Любимова, художественный руководитель фольклорного ансамбля «Матица», Музея-заповедника «Костромская слобода».

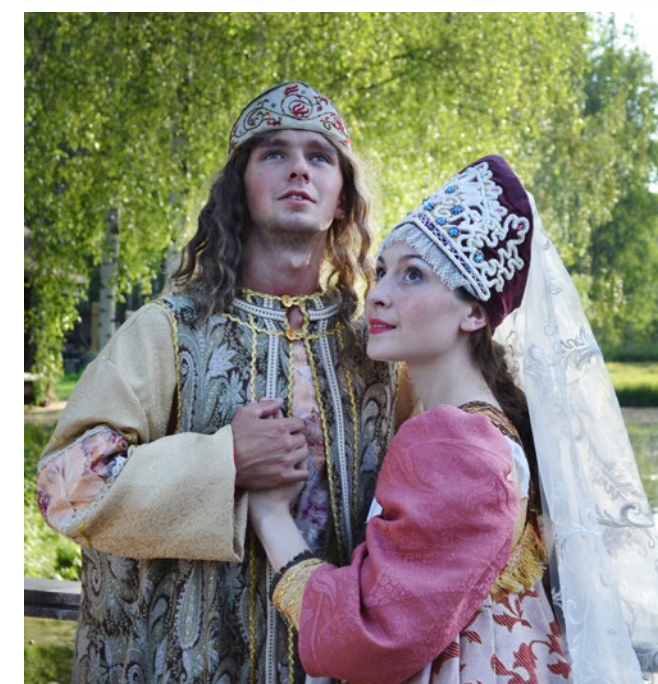
ПРЕМИЯ «ГРАНИ ТЕАТРА МАСС»

Исторический театр «РЯД» Музея-заповедника «Костромская слобода» – режиссёр Татьяна Ноздрина, стал дипломантом престижной театральной премии «Грани театра масс». 28 марта 2016 года в Москве в Петровском Путевом дворце состоялась X торжественная Церемония вручения Всероссийской профессиональной премии «Грани Театра масс» за лучшие массовые театрализованные проекты 2015 года.

Премия учреждена десять лет назад Союзом театральных деятелей Российской Федерации, Комитетом общественных связей города Москвы по инициативе Совета СТД Российской Федерации по массовым формам театрального искусства. В конкурсе на соискание Премии за 2015 год приняло участие около 70 проектов из 45 регионов нашей страны – от Петрозаводска и Санкт-Петербурга до Благовещенска и Хабаровска.

В номинации «Лучший национальный праздник» диплом I степени получило театрализованное представление «Сказание о Петре и Февронии» исторического театра «РЯД» Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода».

Высокая патриотическая миссия спектакля была оценена соорганизатором премии – Советом Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России». На церемонии театру «РЯД» было вручено благодарственное письмо председателя Совета за вклад в этнокультурное развитие народов России и укрепление единства российской нации.

Сцена из спектакля «Сказание о Петре и Февронии».

Ксения БЕЛОВА,
сотрудник Музея-заповедника
«Костромская слобода»

СНИМАЕТСЯ КИНО

2016 год объявлен Годом российского кино. Музей-заповедник «Костромская слобода» неоднократно выбирался в качестве съемочной площадки исторических кинокартин. Здесь неповторимая атмосфера старорусской деревни на берегу речки Игуменки, особенный ландшафт, фактура, которая как ни что другое передает дух времени – с эпохи Петра и до первой половины XX века. Среди фильмов, которые снимали в нашем музее, можно назвать следующие: «Юность Петра» (1980), режиссёр Сергей Герасимов; «Доктор Живаго» (2005), режиссёр Александр Прошкин; «Столыпин... Невыученные уроки» (2006), режиссёр Юрий Кузин; «Исаев» (2009), режиссёр Сергей Урсуляк; «Страсти по Чапаю» (2012), режиссёр Сергей Щербин; «Вера» (2015), режиссёр А. Грачев и другие.

Начало съемочной деятельности в музее-заповеднике «Костромская слобода» было положено в конце 1970-х годов, когда его посе-

тил великий российский режиссер и артист С. А. Герасимов. Режиссер проникся простотой и душевностью этого места и принял решение о том, что съемки второй части фильма «Юность Петра» будут проходить здесь. Именно на крыльце церкви Собора Богородицы князю Галицыну зачитывают приказ Петра, и он едет на телеге вдоль дома Ершова в предполагаемую ссылку. А перед этим другой эпизод в фильме: процессия со стрельцами, сопровождающими Петра на царство, проходит вдоль реки Игуменки на фоне панорамы всего нашего музея-заповедника. Артисты отметили, что работать в нашем музее легко, здесь особенная атмосфера.

В 2015 году «Костромская слобода» представляла старообрядческую деревню 1940-х годов. Здесь прошли съемки фильма «Вера», который выйдет в прокат в конце 2016 года. В интерьерных эпизодах были задействованы зимняя комната дома Липатова и церковь Всемилостивого Спаса. Как только начинаешь углубляться в историю нашего музея-заповедника, понимаешь, что замечательные памятники народного зодчества «Костромской слободы», запечатленные на кинематографической ленте, являлись не только декорацией ко многим историческим фильмам, а их народной душой.

Кадры из фильма «Вера» А. Грачева.

«ПЛЕТЕННЫЕ ИСТОРИИ»

Тема выставки «Плетенные истории» уже известна костромичам. В выставочном зале Музея природы коллекция предметов мебели, интерьера и посуды, выполненных из ивового прута, была представлена широкому зрителю осенью 2015 года. Позднее в рамках культурной акции «Ночь искусств» и Года литературы в России коллекция произведений современных мастеров плетения экспонировалась в областной юношеской библиотеке. На масленичной неделе эта коллекция, значительно обновленная, впервые была представлена в Музее-заповеднике «Костромская слобода». Открытие выставки прошло в горнице дома Липатова. Экскурс в историю промысла на Костромской земле сделал научный сотрудник музея-заповедника куратор выставочного проекта Евгений Новиков. Выставка работает до конца летнего туристического сезона. «Плетенные истории» смогут посмотреть все желающие, костромичи и гости города, а также смогут увести на память плетенные из ивового прута сувениры. А при желании – поучаствовать в мастер-классе Олега Шарова.

Куратор выставки научный сотрудник музея-заповедника Евгений Новиков.

Выставки

Марина КРЫЛОВА,
заведующая отделом культурных
мероприятий Музея-заповедника
«Костромская слобода»

КУДЫ ДЫМ, ТУДЫ БЛИН, ТУДЫ МАСЛЁНКА ДОМАШНЯЯ МАСЛЕНИЦА

Домашняя Масленица – кукла символизирующая достаток и крепкое здоровье не только для всех членов семьи, но главным образом для потомства молодой семьи. Наряду с этим она считалась в крестьянской семье оберегом жилища и могла храниться в красном углу или у входа.

В один из дней праздничной масленичной недели, когда молодые приходили к тёще на блины, эту куклу выставляли в окне или прикрепляли над козырьком ворот. По традиции куклой встречали молодых в доме родителей невесты, а в последний день масленой недели бросали ее в костер, чтобы всё плохое улетало вместе с дымом.

А теперь пришло время нам с вами прикоснуться к традициям изготовления домашней куклы-масленки. Говорили, что она – «сорока бабушек внучка, тридцати братьев сестра, трёх матерей и одного отца дочка». Варианты изготовления могут быть разные от скрутки до основы – крестовины. Домашняя Масленица представляет собой небольшую (высотой 20 – 25 сантиметров) тряпичную или соломенную, или лыковую куклу без личины.

В нашем варианте изготовления всё начинается с головы. Из квадратного куска белой ткани делается узелок, набитый соломой (лыком, ватой, льняными очесами) и обмотанный красной ниткой, закрепленный 3 петельками. Одна из важных деталей фигуры домашней масленицы являются груди. Для этого в прямоугольный лоскуток вкладывалось 2 клубочка такого же состава, как и в голову, крепко закрепленных на небольшом расстоянии, друг от друга. Изготавливая руки, не забываем про

Мастер-класс

ладошки, так как руки у Масленицы, чаще всего обращены к небу (подняты вверх). Для этого в прямоугольный лоскуток с одного края (по длинной стороне) вставляем белый треугольник – ладошки, а с противоположной стороны закручиваем материю в трубочку. После чего ладошку надо закрепить красной нитью.

Теперь все составные детали куклы готовы – можно переходить к сборке. К голове спереди и сзади (у шеи) прикладываем пучки соломы (лыка или квадратные лоскутки материи, сложенные треугольником) на которую крепим груди, привязывая все детали красной нитью крест на крест по лицевой стороне фигуры. Затем начинаем одевать куклу – юбку и фартук закрепляем вместе. Плетём длинную косу с «алой лентой» и укладываем по голове. Повязываем платок. А дальше на усмотрение мастерицы – укрепляем на палочке, добавляем в руки – «солнце» или привязываем на руки разноцветные ленты-пожелания.

Кукла домашняя Масленица готова. Пусть принесет она вам благополучие, достаток, здоровье и радость!

КУКЛА «СОРОКА»

Участники мастер-класса под руководством Забавы - ведущей интерактивной программы «Марфушкины игрушки» получают познавательную информацию о традиционных весенних праздниках крестьянского календаря, о приметах и обычаях, соответствующих данному времени года, а также изготовят из предоставленных тканей тряпичную куклу – «Сороку», с которой и могут отправиться на обзорную экскурсию по музею-заповеднику «Костромская слобода».

Продолжительность занятия на мастер-классе 1,5 часа.

«ЧТО НАПРЯЛОСЬ И НАТКАЛОСЬ...»

Открытие выставочного проекта «Что напрялось и наткалось, то в приданое досталось» состоялось в начале года в часовне из д. Б. Токарево. Здесь для всех любителей старины, костромских рукодельниц и исследователей народного костюма и вышивки, была представлена частная коллекция собирательницы и фольклориста, сотрудника Музея-заповедника «Костромская слобода» Елены Любимовой (Доброславы). Гостей музея-заповедника «Костромская слобода» поразила красочность крестьянских свадебных сарафанов и рубаш, техника девичьих рукоделий, которые невеста должна была приготовить до замужества. Ценность представленной коллекции – приданого из бабушкиного сундука – в тех обрядовых секретах шитья, которыми владели мастерицы прошлого.

Коллекции

Широкая Масленица в «Костромской слободе»

Закликает весну фольклорный ансамбль музея-заповедника «Матица».

Экспозиции Музея-заповедника «Костромская слобода»

Экспозиция «Дом бедняка».

Дом Чапыгиной из д. Малое Андрейково Нерехтского района.

Показывается быт крестьянской семьи: печь с полатами, красный угол с иконами, ткацкий стан (тема ткачества), залавок с посудой, посудник. На мосту, соединяющем жилую избу с горницей, размещены орудия труда по приготовлению пряжи. В горнице демонстрируются предметы домашнего рукоделия.

Экспозиция «Свадьба на Вохме».

Черная изба (Дом крестьянина Тарасова) из д. Мухино Вохомского района.

Показываются элементы свадебного обряда; праздничная свадебная посуда: расписные ковши из дерева, корчаги, пивницы, разливные ковши; демонстрируются сундуки с приданым, старинные одежды жениха и невесты.

Экспозиция «Изба гончара».

Дом Ципелёва из д. Аристиха Шарьинского района (Ветлужский уезд).

Демонстрируется быт крестьянской семьи. Рабочий угол: гончарный круг, глина, изделия – глиняная посуда, в углу около печи стоит деревянное корыто с водой, где обливают и закалывают обожженную в печи посуду. Показывается огромный деревянный ухват-рогач на колёсиках, с помощью которого передвигали большие глиняные ёмкости в печи, ставили корчаги. Представлена одежда хозяев, повседневная посуда из дерева и глины для еды, редкой архаичной формы светец (осветительный прибор).

Туристический сезон 2016 года

Экспозиция «Крестьянское детство».

Дом крестьянки Аксины Лоховой из д. Вашкино Чкаловского района Нижегородской области (ранее входила в состав Костромской губернии).

Экспонируются предметы, сопровождающие рождение ребенка с первых дней: зыбка, покрытая пологом, погремушки из берёсты, игрушки из дерева, одежда и предметы быта. Изба с традиционным женским углом, залавок с глиняной и деревянной посудой, рядом с печью – кадка с водой, вверху напротив печи – полатки и полки.

Экспозиция «Дом крестьянина-лесопромышленника» из д. Мытищи. (Серова).

Экспонируются вещи состоятельного крестьянина, связанного по роду деятельности с лесными промыслами и имеющего в своем хозяйстве как крестьянские, так и городские вещи. Экспозиция свидетельствует о новых социальных отношениях в деревне на рубеже XIX и XX веков.

Дом Липатова, крестьянина-лесопромышленника.

Выставка «Плетёные истории», посвящённая давней традиции костромских крестьян – плетению предметов домашнего обихода из ивового прута.

Экспозиции работают с 10 до 18 часов без выходных.

Заказ экскурсий по телефону (4942) 37-25-73, (4942) 37-38-72.

Приглашаем на праздники, конкурсы, игровые программы в «Костромскую слободу»

АПРЕЛЬ

Областной этнособытийный фестиваль-конкурс прикладного творчества «И делу время, и радости с потехой час».

Интерактивная программа «Марфушкины игрушки», включающая в себя мастер-класс по текстильной обереговой кукле.

МАЙ

Международная акция «Ночь музеев», приуроченная к Международному дню музеев.

«Сказание о княгине Ольге». Исторического театра «РЯД». Инсценировка Татьяны Ноздриной. Городской фестиваль воздушных змеев «Пёстрое небо» в рамках празднования Дня защиты детей.

Праздник Троицы. Игра в лапту.

ИЮНЬ

Обрядовый праздник «Троица».

Спектакль «Русалочка» в постановке Исторического театра «РЯД».

Экотур «По тропинке к Шуршавчику».

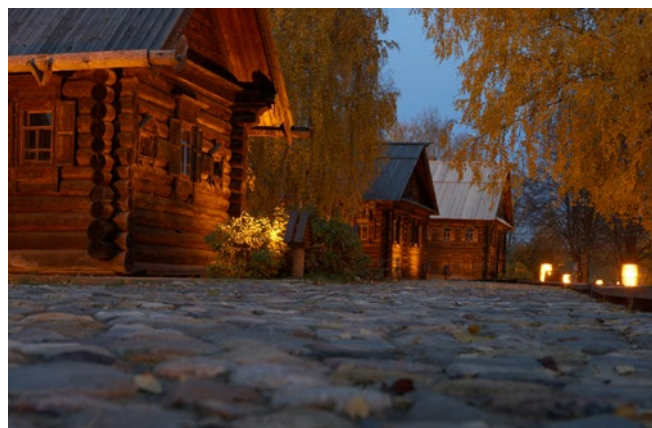
ИЮЛЬ

Семейный праздник «Не нужен и клад, когда в семье лад».

Спектакль «Сказание о Петре и Февронии» в постановке Исторического театра «РЯД». Приурочено к Всероссийскому дню семьи, любви и верности.

День «Семьи, любви и верности».
Выступает театр «РЯД».

Ночь в музее.

Праздник «Осенины».

На празднике «Кузьминки».

На интерактивной программе «Снегуркины приключения».

АВГУСТ

Народное гуляние «Цвети, Кострома!», посвящённое дню рождения Костромской области. Спектакли Исторического театра «РЯД»: «ДАВАЙ, ПОЖЕНИМСЯ». ВОДЕВИЛИ АНТОНА ЧЕХОВА. «СВЕТЛЫЕ ДУШИ». ВАСИЛИЙ ШУКШИН.

СЕНТЯБРЬ

Семейный праздник «Осенины».

Межрегиональный конкурс деревянной скульптуры «Лес-чародей».

ОКТАБРЬ

Интерактивные программы «Капустки», «Харитины» с мастер-классом по ручному ткачеству. Интерактивная программа «Ссудила бабуся бусы Марусе» с мастер-классом по изготовлению текстильных бус.

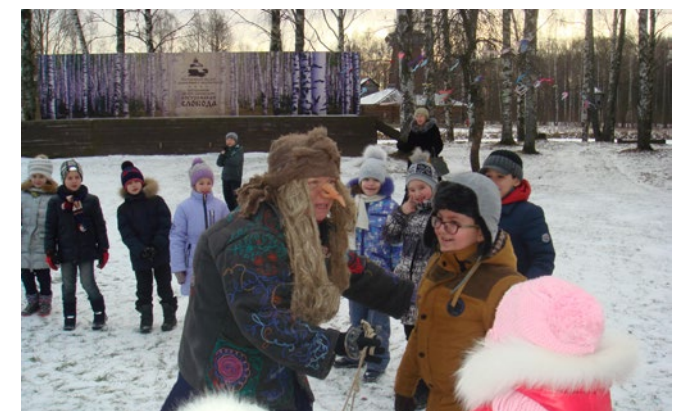
НОЯБРЬ

День народного единства.

Спектакль «Хроники Смутного времени» в постановке Исторического театра «РЯД». Ночь искусств.

ДЕКАБРЬ

Областной конкурс прикладного творчества «Рукавичка – варежке сестричка». Мастер-класс по ткачеству «Не буду лениться – буду мастерству учиться». Интерактивная программа «Снегуркины приключения».

«КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА»

Художественно-этнографический альманах

Электронное издание Костромского архитектурно-этнографического
и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода».
Выходит с 2013 года.

Сайт: <http://www.kostrsloboda.ru>

Выпуск №1 - 2016 года.

Под общей редакцией А.И. Митина,
директора Музея-заповедника «Костромская слобода»

Редактор-составитель – Т.Г. Гончарова,
учёный секретарь Музея-заповедника «Костромская слобода».
Верстка – В.А. Кокшаров.
Дизайн – И.В. Васильев.

Художник О. И. Швейцер

Фото:

Александр Журавлёв, Татьяна Гончарова, Сергей Сташков, а также из архива
Музея-заповедника «Костромская слобода» и редакции историко-краеведческого
журнала «Губернский дом».

Объем: 10 п.л. При использовании материалов выпуска или их фрагментов
ссылки на издание обязательны.

Адрес редакции:

156000, Кострома, ул. Советская, д.41 а. Телефон: 31-31-12.

Email: k.slob.us@gmail.com

kostsloboda-us@mail.ru

КОСТРОМСКОЙ АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

КОСТРОМСКАЯ СЛОВОДА

156004, КОСТРОМА, УЛ. ПРОСВЕЩЕНИЯ 16, ТЕЛ.: (4942) 37-38-72, ФАКС: (4942) 37-25-73

